

Exz. archiwainy IBL

В. А. ФРАНЦЕВЪ.

КЪ БІОГРАФІИ В. А. МАЦЪЕВСКАГО.

I. HABENT SUA FATA LIBELLI...

II. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ В. А. МАЦЪЕВСКАГО.

ВАРШАВА.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.

1909.

В. А. ФРАНЦЕВЪ.

КЪ БИОГРАФИИ В. А. МАЦЪЕВСКАГО.

I. HABENT SUA FATA LIBELLI...

II. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ В. А. МАЦЪЕВСКАГО.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

ВАРШАВА.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.

1909.

B. A. МАЛЛЕБЕККАЛО.
КЪ БИОЛПАФИН

II. WSP. TERPENTYN B. A. MALLEBEKKAŁO.
I. HABENT SUA

1907

Къ біографіи В. А. Мацѣвскаго.

I.

Nabent sua fata libelli...

Два наиболѣе крупныхъ труда извѣстнаго польскаго историка славянскаго права В. А. Мацѣвскаго: „Historya prawodawstw słowiańskich” (1-ое изданіе 1832—1835 гг.) и вскорѣ въ дополненіе къ ней послѣдовавшіе „Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian” (1839) испытали странную судьбу. „Исторія славянскихъ законодательствъ” въ первомъ изданіи, по словамъ самого Мацѣвскаго, встрѣчена была специалистами (przez znawców) благо-склонно: одобрительные отзывы о ней автору прислали Игнатій Даниловичъ (изъ Спб.), А. Рейтцъ (изъ Дерпта), проф. Буссъ (изъ Фрейбурга і. Breisgau) и др.; ученые разборы труда появились въ Götting. Gelehrte Anz., въ Jahrbücher der gesammten deutschen Lit. (VI, 7), въ Krit. Zeitschr. für Rechtswiss. (v. Mittermaier u. Zachariae, Bd. VIII) и пр. ¹⁾ Имя Мацѣвскаго сразу стало широко извѣстнымъ и на Западѣ и въ славянскомъ ученомъ мірѣ ²⁾. Правда, въ

¹⁾ См. предисловіе ко II изданію „Hist. prawod.” Ср. письма Рейтца отъ 23 октября 1832 г. и 12 февр. 1833 г. Во второмъ онъ сообщаетъ, что отъ Сперанскаго слышалъ благопріятный отзывъ о трудѣ Мацѣвскаго. Изъ переписки В. А. Мацѣвскаго. Изд. В. А. Францевъ. Москва, 1901, стр. 4—7. Рецензію Лембке изъ Götting. gelehrte Anz., 1833, № 521, перевелъ студ. Иванъ Савиничъ. Ж. М. Н. Пр., 1834, IV, 24—37.

²⁾ Колларъ въ поэмѣ „Дочь Славы” помѣстилъ вполслѣдствіи Мацѣвскаго въ славянскомъ небѣ рядомъ съ чехомъ Вшегрдомъ у статуи Управды - Юстиніана (IV, сон. 43):

„Nejmladší však chloubá všeho Slavstva
Jest tvůj Maciejowski, našeho
Co psal polsky Děje Pravodavstva“.

широкій кругъ читателей книга его не проникла (она имѣла всего 140 подписчиковъ), но на невниманіе ученыхъ Мацѣевскій не могъ пожаловаться. Уже въ 1832 г. въ лейпцигскихъ *Jahrbücher der gesammten deutschen Lit.* проф. Hänel высказалъ желаніе, чтобы трудъ польскаго ученаго былъ переведенъ на нѣмецкій или на латинскій языкъ въ цѣляхъ болъшей доступности. Чешскій писатель Хмеленскій въ ж. *Česká Wčela* выражалъ надежду, что Исторія выйдетъ и по-чешски.

Нѣмецкій переводъ (*Slavische Rechtsgeschichte*) сдѣлали д-ръ Буссъ и Навроцкій (*Stuttgart und Leipzig*, 1835, въ 4 томахъ). Первый томъ этого изданія Мацѣевскій имѣлъ уже въ январѣ 1836 г. „*Liche tłumaczenie*“, отозвался онъ о немъ въ письмѣ къ Ганкѣ ¹⁾. Предполагалось и французское изданіе ²⁾; переводчиками самъ Мацѣевскій называетъ Яна Р. Врублевскаго и адвоката *Aimable Colombe* ³⁾.

Въ русской литературѣ первые отрывки изъ Исторіи появились въ ж. „Телескопъ“ ⁴⁾, но въ это же время существуетъ уже мысль и о переводѣ полностью оригинальнаго труда польскаго ученаго. За осуществленіе этого намѣренія принялись почти одновременно А. Θ. Хиждеу ⁵⁾ и студентъ моск. унив. Иванъ Савиничъ, приступившій къ переводу подъ руководствомъ М. П. Погодина. Погодинъ въ концѣ 1834 г. въ примѣчаніи

¹⁾ Письма къ В. Ганкѣ изд. В. А. Францевъ, стр. 745.

²⁾ Львовскія *Rozmaitości* (1839, № 39, стр. 311) сообщали о готовомъ уже переводѣ: „*P. Maciejowskiego Historyjã prawodawstw słowiańskich, jãk dawniej na język rossyjski, tak teraz na francuzki przełożono, i przekład ten wykonany pod okiem autora, wyjść ma niebawem w Paryżu*“.

³⁾ *Histor. prawod.*, II изд., т. I, стр. 498.

⁴⁾ 1835 г., № 3—4: „Введеніе въ Исторію слав. законодат.“ Переводъ Хиждеу. *Ср. Ж. М. Н. Пр.*, 1836, ч. X, обзоръ журн., 117—123.

⁵⁾ Бессарабскій помѣщикъ, оберъ-лейтенантъ въ отставкѣ, жилъ въ Хотинѣ. Ему принадлежитъ, между прочимъ, дѣльная статья въ *Телескопѣ*, 1833 г., о важности изученія молдавскаго языка и памятниковъ молдавской словесности для объясненія русскихъ лѣтописей и грамотъ. Переведенныя имъ сочиненія перечислены въ объявленіи его въ *Журн. М. Н. Пр.*, 1835, ч. V; въ числѣ ихъ значатся: Шафарика—Исторія славянскаго языка и письменности, Геркеля—Славянская сравнительная грамматика и др. Готовилъ Исторію славянской народности въ VI болъшихъ частяхъ.

къ переводу рецензіи Лембке ¹⁾ могъ сообщить уже, что Савиничъ перевелъ и самое сочиненіе Мацѣвскаго, „сколько онаго доселѣ вышло на польскомъ языкѣ“, т. е. первые два тома его. Хиждеу началъ свой переводъ, повидимому, нѣсколько раньше; по крайней мѣрѣ, онъ извѣщаль Мацѣвскаго уже 28 февраля 1833 г., что переводъ перваго тома Исторіи изготвленъ имъ окончательно, а въ сент. 1834 г. добавлялъ: „Уже привожу къ концу переводъ и II-го тома оной“ ²⁾. Переводъ Савинича редактировалъ самъ Погодинъ, предполагая, повидимому, издать его при поддержкѣ министерства народнаго просвѣщенія. По полученіи отъ Погодина рукописи перевода (I т.) С. С. Уваровъ препроводилъ ее на разсмотрѣніе М. А. Балугьянскаго, а послѣдній отъ себя передалъ ее И. Даниловичу и Ф. Малевскому, прося ихъ высказаться, насколько желательно напечатаніе этого перевода ³⁾. Даниловичъ успѣлъ представить Балугьянскому только краткое изложеніе содержанія введенія и первой главы книги Мацѣвскаго, такъ какъ скоро уѣхалъ въ Кіевъ; Малевскій же доставилъ ему слѣдующее „краткое сужденіе“ о ней (16 января 1836 г.).

Сочиненіе Мацѣвскаго, по его мнѣнію, можетъ быть сравнено съ извѣстнымъ трудомъ Шафарика „Geschichte der Slaw. Sprache und Literatur“ (1826). „То, что Шафарикъ, сдѣлалъ, представляя въ одномъ объемѣ ходъ самобытной литературы у разныхъ славянскихъ народовъ и различныя вліянія, коимъ она подвергалась, то же дѣлаетъ г. Мацѣвскій въ отношеніи хода и характера законодательства. Основная мысль въ обоихъ сочиненіяхъ заслуживаетъ полнаго одобренія. Оба сочиненія, каждое въ своемъ родѣ, суть первые опыты и раздѣляютъ свойственные первымъ опытамъ

¹⁾ Ж. М. Н. Пр., 1834, IV, октябрь, стр. 27.

²⁾ Письмо отъ 21 сент. 1834 г. въ библ. Чешскаго Музея найдено нами уже послѣ изданія части переписки Мацѣвскаго.

³⁾ Игн. Даниловичъ и Фр. Малевскій состояли тогда при II-омъ Отд. Собственной Е. И. В. Канцеляріи и принимали участіе въ работахъ по составленію свода законовъ губерній отъ Польши возвращенныхъ.

преимущества и недостатки“. Рассмотрѣвъ первый томъ Истории, Малевскій приходитъ къ заключенію, что „сочинитель вездѣ болѣе обѣщаетъ въ заглавіяхъ, чѣмъ сдерживаетъ въ самомъ изложеніи, и что, устраивая Историю законодательства по примѣру Гуго, относить къ внѣшней исторіи и географическое описаніе земель, обитаемыхъ славянами, очеркъ характера народнаго, исторію образованія и пр. Оттого сочиненіе наполняется общими выводами, которые можетъ быть были бы тверже и полнѣе, ежели бы болѣе сами рождались изъ фактовъ“. Но болѣе успѣшное выполненіе работы, которую предпринялъ Мацѣвскій, затруднялось незначительнымъ количествомъ источниковъ и крайне слабой разработкой ихъ. „Нѣтъ сомнѣнія,—заключалъ Малевскій,—что они будутъ ежедневно умножаться, а къ тому умноженію будетъ споспѣшествовать и настоящее сочиненіе г. Мацѣвскаго, какъ указывающее изобильныя пользы, ожидаемыя отъ обращенныхъ къ сему предмету усилій. Для того слѣдуетъ даже желать, чтобы Исторія славянскихъ законодательствъ была переведена на главные славянскіе языки, а на російскій прежде, чѣмъ на другіе“.

Мнѣніе самого Балугьянскаго было менѣе благопріятнымъ. Повторивъ кое-что изъ сужденій Малевскаго, онъ заявлялъ: „Съ моей стороны я нахожу, что г. Мацѣвскій слишкомъ торопился въ составленіи подобнаго сочиненія“. Для составленія такого труда, какъ „Исторія славянскихъ законодательствъ“, необходимо, прежде всего, изучить не только всѣ славянскія нарѣчія, но и нарѣчія тѣхъ народовъ, которые „вторглись въ обширный кругъ земли славянъ отъ Урала до Эльбы, отъ Балтійскаго и Бѣлаго моря до Средиземнаго и Адриатическаго“, а можетъ быть и народовъ Малой Азіи; далѣе, историкъ славянскаго права долженъ заняться и географіей этихъ земель, при этомъ его должны занимать одинаково прошлое и настоящее въ ихъ жизни; наконецъ, ему необходимо изучить исторію славянскихъ народовъ. „Когда филологи, географы и историки приведутъ славянскій міръ съ его подраздѣленіями до нѣкоторой извѣстности, тогда

и юристамъ можно будетъ начать сторію славянскихъ законодательствъ“. Такимъ образомъ, требовалась огромная предварительная работа по собиранію матеріаловъ и памятникъ и по изученію и разработкѣ ихъ, послѣ которой только и возможно было бы появленіе труда, подобнаго сочиненію Мацѣвскаго. Балугьянскій не могъ не видѣть, что при такихъ требованіяхъ составленіе исторіи славянскаго права отодвинется на долгіе годы, и потому въ заключеніи своего отзыва поспѣшилъ добавить: „При всемъ томъ я полагаю, что книга г. Мацѣвскаго, какъ первый опытъ, полезна, и соединяю по сему предмету мое мнѣніе съ мнѣніемъ г. Малевскаго. Въ споспѣшествованіи наукъ ничего не начинается систематически. Первые опыты возбуждаютъ другихъ, и если будетъ у насъ филологія, которой совсѣмъ нѣтъ, то будетъ и исторія славянскихъ законодательствъ. Такъ какъ сія книга есть первая въ своемъ родѣ, то я въ разсужденіи печатанія оной соединяю мое мнѣніе съ мнѣніемъ Малевскаго“ (24 января 1836 г.).

Но Балугьянскій обратилъ при этомъ вниманіе министра на переводъ Хиждеу, который подготавливалъ его подъ руководствомъ самого автора и предполагалъ внести существенныя дополненія изъ приготовленнаго авторомъ новаго изданія Исторіи. Вслѣдствіе этого Уваровъ приказалъ возвратитъ Погодину переводъ Савинича, присовокупивъ, что отъ усмотрѣнія переводчика зависитъ, печатать или нѣтъ его рукопись ¹⁾. И она, конечно, осталась неизданною ²⁾. Мѣсто оставалось за переводомъ Хиждеу.

Восторженный любитель славянской старины, Хиждеу съ увлеченіемъ принялся за трудъ перевода книги, которая

¹⁾ Дѣло въ Архивѣ Мин. Нар. Просв., № 128.154—59.

²⁾ Ганка, послѣ свиданія съ Погодинымъ, такъ объяснялъ Мацѣвскому отказъ Погодина: „...Zamiar jego nie był komuś do jego interesu się wkładać; on kochając wsze, co słowiańskiego, chciał przez swoich uczniów to i drugim słowianom komunikować, ale gdy się dowiedział, że to inną drogą się stanie, zniszczył (?) tłumaczenie, uznawszy, że pod wzrokiem autora coś lepszego wyjść może“. Письмо отъ 13 окт. 1835 г. См. письма къ В. Ганкѣ, стр. 741—742. Ср. Slov. Sborník, II, 1883, str. 449.

казалась ему явленіемъ замѣчательнымъ въ славянской наукѣ. „Откровенно сознаюсь“,—писалъ онъ Мацѣвскому 21 сент. 1834 г.,—„что твореніе сіе, какъ первое въ своемъ родѣ, по необходимости должно обратить на себя вниманіе просвѣщенной Европы вообще, а въ особенности народовъ славянскаго языка, ибо въ немъ, сколько мнѣ кажется, въ первый разъ историко-критически развита, въ стройной и непрерывной цѣлости, совокупная юридико-политическая жизнь и дѣятельность славянскаго человѣчества, какъ особаго и самостоятельнаго рода. Въ самомъ дѣлѣ, уже пора, по выраженію І. Лелевеля, перестать думать, будто бы славяне были только губкою, которая напивается чуждою ей влагою. Въ такомъ отношеніи, каждое твореніе, истинно-славянское, не написанное подъ преобладательнымъ вліяніемъ чужеземщины, но внушенное, согрѣтое и исполненное съ неподдѣльною любовью ко всему великому народному, есть явленіе вождельнное, возвѣщающее въ старомъ образѣ вещественности новую вѣру славянскаго духа; и въ такомъ отношеніи ваше сочиненіе должно быть преимущественно переведено на всѣ живыя славянскія нарѣчія, ибо оно объемлетъ общій славянскій міръ“.

Приступить къ переводу труда Мацѣвскаго побуждало Хиждеу еще и то, что онъ самъ занимался близкими вопросами, главнымъ образомъ—„исторіей образованія (т. е. образованности) славянскихъ народовъ“. Однако онъ не снѣшилъ изданіемъ своего перевода: онъ ожидалъ выхода въ свѣтъ всѣхъ томовъ подлинника, чтобы затѣмъ издать по-русски все сочиненіе, которое при такомъ способѣ изданія легче могло бы разойтись. Между тѣмъ Мацѣвскій (въ письмѣ отъ 6 сент. н. ст. 1834 г.) самъ сталъ торопить переводчика, увѣдомивъ его, что намѣстникъ Царства Польскаго кн. Варшавскій „изъявилъ желаніе скорѣе видѣть русскій переводъ сего сочиненія“, причемъ всѣ издержки по русскому изданію И. Θ. Паскевичъ принималъ на себя. Хиждеу рѣшилъ поэтому напечатать I-ый и II-ой томы, вмѣсто предположеннаго имъ „совокупнаго и одновременнаго“ изданія всѣхъ четырехъ томовъ.

„Сходно сему“, — увѣдомлялъ онъ Мацѣвскаго, — „я на сихъ же дняхъ постараюсь, чтобы непремѣнно начата была переписка набѣло моей черновой рукописи и наидальѣе къ мѣсяцу декабрю сего года представлю на вашъ судъ мой переводъ, дабы, по ревизіи вами онаго, оный могъ быть представленъ отъ васъ Его Свѣтлости для дальнѣйшаго распоряженія“. Съ цѣлью предварительнаго ознакомленія русскаго общества съ „задачею, цѣлью и духомъ“ сочиненія Мацѣвскаго, Хиждеу предполагалъ напечатать нѣсколько отрывковъ въ лучшихъ періодическихъ изданіяхъ, „при объявленіи, что сіе сочиненіе вскорѣ будетъ издано на русскомъ языкѣ, подъ наблюденіемъ самого сочинителя“. Однимъ изъ такихъ отрывковъ, очевидно, и былъ помѣщенный въ Телескопѣ 1835 г. переводъ введенія къ Исторіи.

Такъ какъ Мацѣвскій въ это время подготавливалъ уже новое изданіе I-го и II-го томовъ, то Хиждеу просилъ его сообщить ему заранѣе всѣ дополненія и поправки для внесенія ихъ въ переводъ, „ибо безъ того оный не будетъ имѣть полнаго интереса въ отношеніи къ подлиннику“. Ихъ накопилось немало. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагалъ Мацѣвскому издать въ видѣ пятаго, дополнительнаго тома всѣ тѣ рукописные матеріалы, которыми онъ пользовался при составленіи Исторіи. „Обстоятельство сіе“, убѣждалъ онъ автора, „увеличить достоинство русскаго перевода, имѣющаго быть изданнымъ подъ вашимъ наблюденіемъ, а V-ый томъ можетъ быть общій какъ для польскаго, такъ и для русскаго изданій“... Такъ какъ этотъ томъ представлялъ бы интересъ только для спеціалистовъ и вообще ученыхъ, то всѣ историческія и филологическія примѣчанія (ноты) къ памятникамъ Хиждеу предлагалъ сдѣлать на латинскомъ языкѣ, чтобы избѣжать многоязычія.

Изъ слѣдующаго письма его къ Мацѣвскому (15—27 дек. 1834 г) можно заключить, что Мацѣвскій высказалъ ему свои сомнѣнія въ необходимости его перевода въ виду того, что въ Москвѣ явился новый переводчикъ Исторіи. Хиждеу не раздѣлялъ этихъ сомнѣній. „Нимало не беспокоитъ меня

то, что въ одно время со мной и другой занимается переводомъ вашего сочиненія¹⁾. Напротивъ: это весьма пріятно, ибо я вижу новое доказательство, что мои русскіе соотечественники перестаютъ быть равнодушными и хладнокровными читателями твореній, важныхъ для развитія общей славянской народности, и спѣшатъ усвоить себѣ то, что можетъ укрѣпить ихъ народное чувство и оживить ихъ народный духъ²⁾“. Въ увлеченіи онъ находилъ даже, что не только для двухъ, но и для десяти переводовъ сочиненія Мацѣвскаго „будетъ просторное мѣсто разойтись по Россіи, и цѣлыхъ десять изданій найдутъ охотниковъ“.

Хиждеу увлекался задуманнымъ и начатымъ дѣломъ и начерталъ Мацѣвскому полный планъ практическаго осуществленія предпріятія³⁾. Сообщеніе Мацѣвскаго о томъ, что въ Москвѣ готовится еще другой переводъ Исторіи, и что московскій переводчикъ намѣренъ произвести въ ней какія-то исправленія и передѣлки (по выраженію Мацѣвскаго: „*nadać zupreńnie inna postać*“ его труда), заставило Хиждеу поторопиться съ изданіемъ своего перевода. Прежде всего, онъ находилъ необходимымъ напечатать въ журналахъ программу изданія и поэтому просилъ Мацѣвскаго доставить ему подробное содержанія III и IV томовъ, а также краткое извѣстіе о тѣхъ дополненіяхъ, которыми будетъ отличаться русское изданіе отъ польскаго, „дабы обозначить достоинства перваго“. При этомъ онъ спрашивалъ у автора согласія на то, чтобы программа издана была и отъ его имени. „Отпечатаніе программы положитъ начало нашему успѣху“. Не дожидаясь однако сообщеній и согласія Мацѣвскаго, Хиждеу послалъ объявленіе въ „русскіе журналы и литературныя газеты, съ выраженіемъ, что сочинитель доставляетъ многія новыя и значительныя дополненія и поправки, и что слѣд-

1) Объ этомъ Мацѣвскій узналъ изъ Ж. М. Н. Пр., 1834, окт. Странно, что Погодинъ не испросилъ у автора согласія и не извѣстилъ его о своемъ намѣреніи.

2) Изъ переписки В. А. Мацѣвскаго, стр. 8.

3) См. подробности: Изъ переписки В. А. Мацѣвскаго, стр. 13—14.

ственно русскій переводъ долженъ быть разсматриваемъ не просто какъ переложение, но паче какъ отдѣльное, самостоятельное изданіе“. Такое объявленіе напечатано было, какъ извлеченіе изъ письма Хиждеу къ редактору, въ концѣ мартовской книжки Журн. М. Н. Пр. за 1835 г. Ссылаясь на письмо Мацѣвскаго, Хиждеу оповѣщаль здѣсь, что Мацѣвскій самъ, вмѣстѣ съ нимъ, печатаетъ „второе, исправленное и значительными дополненіями приумноженное“ изданіе перваго и втораго томовъ на русскомъ языкѣ, что III-ій и IV-ый томы будутъ изданы на русскомъ языкѣ раньше, чѣмъ на польскомъ, и что, такимъ образомъ, подлинникомъ должно будетъ считаться русское изданіе, редакція котораго поручена де ему самимъ авторомъ. Всѣ четыре тома русскаго изданія предполагалось выпустить въ теченіе 1835 года, при чемъ въ дополненіе къ нимъ должны были выйти еще два тома (V-й и VI-й всего изданія) „Памятниковъ славянскихъ законодательствъ“.

Такое расширеніе правъ переводчика, который ставилъ себя, по степени участія въ трудѣ, рядомъ съ авторомъ, не могло быть пріятно Мацѣвскому, и онъ, вѣроятно, высказалъ Хиждеу свои мысли по этому поводу ¹⁾.

¹⁾ Въ львовскихъ Rozmaitościach (Pismo dodatkowe do Gaz. Lwowskiej), 1835, № 35, str. 247, въ корресп. изъ Варшавы находимъ слѣдующее робкое объясненіе по этому поводу, исходящее, надо думать, отъ самого Мацѣвскаго: „Pan Maciejowski, znosząc się z p. Hyżdew względem tłumaczenia swego dzieła: „Historyja prawodawstw sławiańskich“, powiedział mu, iż tłumaczenie rossyjskie przedstawi dokładniejszy obraz pomysłu całego, a to z powodu, iż po wydaniu oryginału przybyło mu wiele materiałów, które do przekładu rossyjskiego dołączył. Z powodu więc tego przekładu przez pp. Sawinicz i Pogodin, podał p. Hyżdew do gazet i dzienników rossyjskich list p. Maciejowskiego z własnym dopiskiem, lecz w nim się mylnie wyraził, jakoby odtąd tłumaczenie rossyjskie uważać należało za oryginał, tudzież że dalsze tomy tego przekładu prędzej wyjdą na widok publiczny, aniżeli oryginał polski; gdy przecież tak mu wyrazić się nie należało, boć każdemu wiadomo, że początkowo dzieło to nie po rossyjsku, lecz po polsku napisano, i że cztery tomy wyszły na widok publiczny, z których dwa ostatnie, każdy z 34 arkuszy złożony, dokładne z siebie same dzieło tworzą; lub znowu dokładniejsze dzieła wydanie rychlej po rossyjsku, niż po polsku, drukiem ogłoszone będzie, zwłaszcza, że już jest w robocie“.

Къ тому же нельзя было не считаться и съ общественнымъ мнѣніемъ, которое не могло отнестись сочувственно къ такому изданію польскаго ученаго.

Впрочемъ, тутъ наши свѣдѣнія о сношеніяхъ автора съ его переводчикомъ прерываются. Переписка ихъ, повидимому, вскорѣ прекратилась, и мы только изъ нѣсколько неяснаго письма Мацѣвскаго къ Погодину (отъ 12 ноября 1837 г.) узнаемъ, что Хиждеу не выполнилъ взятой на себя задачи, а образчикъ перевода его признанъ былъ русскими знаковыми Мацѣвскаго въ Варшавѣ неудовлетворительнымъ¹⁾. Такимъ образомъ, и вторая попытка издать на русскомъ языкѣ сочиненіе Мацѣвскаго кончилась неудачею²⁾. Мацѣвскій послѣ этого самъ предложилъ Погодину, не захочетъ ли онъ поручить кому-либо издать русскій переводъ Исторіи, но московскій другъ теперь, очевидно, уже не помышлялъ о возвращеніи къ старому плану, не встрѣтившему въ свое время поддержки въ министерствѣ.

Спустя нѣсколько лѣтъ (въ 1844 г.) забытый было переводъ Савинича неожиданно нашелъ мецената, изъявившаго готовность взять на себя расходы по изданію „Исторіи слав. законодат.“ Это былъ „близкій родственникъ” Д. Н. Валуева³⁾. Въ бытность свою въ Москвѣ Мацѣвскій, повидимому, ознакомился съ переводомъ Савинича и далъ нѣкоторыя указанія для переводчика. „Мы надѣялись тогда, — писалъ Валуевъ, — не медля приступить къ печатанію, но послѣ оказалось, что

¹⁾ Мацѣвскій писалъ: „Co się dotyczy tłumaczenia dzieła mego na rossyjski język, rzecz się tak ma. P. Hyżdew długo mnie utrzymywał w tem mniemaniu, że je wytłumaczy. Z próby tłumaczenia, które podał do dziennika Telegraf (sic!), pokazało się, że języka rossyjskiego doskonale nie posiada. Tak mnie o tem upewniają tutejsi Rosssyanie. To jest może powodem, że p. Hyżdew zupełnie zaniechał swego przedsięwzięcia i już przeszło od roku nie pisuje do mnie“. Письма къ Погодину, стр. 514.

²⁾ Estreicher, Bibliogr. polska, III, str. 32, отмѣчаетъ русское изданіе перваго тома въ 1835 г., но намъ его не приходилось видѣть. Ср. С. Пташицкаго некрологъ Мацѣвскаго въ Ж. М. Н. Пр., 1883, ч. 227, стр. 53.

³⁾ См. Письмо Валуева къ Мацѣвскому отъ 23 мая 1844 г. Изъ переписки Мацѣвскаго, стр. 21—22.

переводъ Г. С. долженъ быть весь прежде исправленъ, особливо въ слогѣ; таково было мнѣніе гг. Морошкина и Снегирева; мы приступили тогда же къ оному; теперь, наконецъ, первая часть почти совсѣмъ изготовлена, и въ іюлѣ приступаемъ къ печатанью“. Валуевъ высказывалъ при этомъ желаніе, чтобы русское изданіе было дополнено на основаніи новыхъ, изданныхъ съ 1832 г. источниковъ; на этомъ, въ бытность его въ Прагѣ, особенно настаивали и требовали этого Шафарикъ, Ганка и Палацкій. Въ крайнемъ случаѣ, это дополненіе могло бы состоять лишь въ подробномъ указаніи всѣхъ этихъ новыхъ источниковъ. „Про такое дополненіе,— настаивалъ Валуевъ,—мнѣ говорили славянскіе ученые, какъ условіе *sine qua non*, и потому въ случаѣ вашего отказа пришлось бы намъ самимъ кое-какъ сдѣлать и наложить руку на ваше твореніе“. Но и изъ этого послѣдняго проекта изданія ничего не вышло.

Такъ всѣ попытки издать трудъ Мацѣвскаго на русскомъ языкѣ оказались безплодными ¹⁾.

* * *

Новые историческіе матеріалы, которыхъ у Мацѣвскаго много накопилось уже ко времени печатанія послѣднихъ томовъ перваго изданія Исторіи, дальнѣйшія занятія въ архивахъ и неоднократныя поѣздки за границу побуждали его приступить къ новому изданію своего труда ²⁾, но оно осуществилось нескоро. Только въ 1856 г. появился первый томъ его, хотя Мацѣвскій еще въ концѣ 1836 г. расчитывалъ „черезъ годъ начать печатаніе“ новаго изданія ³⁾.

¹⁾ Во 2-омъ изд. *Hist. Prawod.*, I, 498, Мацѣвскій вспоминаетъ о нихъ: „Najpierw w Rossyi przekład przedsięwzięto, zajęli się tem Alexander Huźdeu, Sawinicz, Wałujew, ale żaden nie dokonał“. „Жаль, что были отрывки, были обѣщанія—и только“, сожалѣлъ и И. И. Срезневскій еще въ 1838 г. См. Очерки Россіи В. Пассека, I, 276—277, примѣч. къ ст. „Сеймы“.

²⁾ См. *Wstęp do Pamiętników. I. Nowy wzgląd na rzecz.*

³⁾ См. Письма къ Ганкѣ, стр. 748.

Не желая по нѣкоторымъ соображеніямъ ¹⁾ оставлять на долгое время подъ спудомъ свои новыя приобрѣтенія, Мацѣвскій выпускаетъ въ 1839 г. „Pamiętniki o dziejach, piśmienictwie i prawodawstwie Słowian“ (т. I—II). „Такъ какъ новое издание Истории слав. законодат. приостановлено,—сообщалъ онъ Ганкѣ ²⁾,—то я тѣмъ временемъ хочу обработать и издать отдѣльныя части, входящія въ предметъ моего труда (osobne materje do materji dzieła mego wchodzące)“. Вниманіе Мацѣвскаго въ особенности привлекають матеріалы для исторіи первобытной христіанской церкви у славянъ западныхъ.

Робко высказанное въ Истории мнѣніе о существованіи у нихъ славянскаго обряда (§ 162) ему хотѣлось обосновать прочнѣе и развить шире, и онъ усердно ищетъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія. Неоднократно проситъ онъ Ганку сообщать ему всякія новыя данныя по этому вопросу. Такъ, въ маѣ 1835 г. ³⁾ онъ обращаетъ его вниманіе на III-ій томъ

¹⁾ Вотъ какъ оправдывалъ Мацѣвскій необходимость изданія результатовъ своихъ новыхъ разысканій въ особомъ письмѣ (Nadesłane): „Tłumacze dzieła mego francuzki i niemiecki, a mianowicie też tłumacz rossyjski, pan Alex. Hyźdeu ogłosili, że praca ich będzie dokładniejszą od oryginału polskiego, z powodu dodatków, które im autor nadesłał, wspólnie z nimi nad wykładem historyi prawodawstw słowiańskich na obce języki pracujący. Zapobiegając temu, ażeby tłumaczenie dzieła mego nie było lepsze od oryginału, i robiąc w tem dogodność dla posiadaczy „Historyi prawodawstw słowiańskich“ polskiego wydania, mam zamiar w osobnych zeszytach drukiem ogłaszać wszelkie dodatki, których sam dla tłumaczy dostarczyłem, tudzież te, które oni z własnego pomysłu, a mianowicie rossyjski tłumacz, do mego dzieła dodadzą. Tym końcem wydawać będę: Pamiętniki do dziejów i prawodawstw słowiańskich ludów, w których oprócz dodatków do materji, w dziele mojem objętych, znajdować się będą rozprawy treści, o ile można, obszerniej, n. p.: Rys historyi oświaty i literatury sławiańskiej podług nowego układu, począwszy od najdawniejszych czasów aż do 18-go wieku; Rozbiór krytyczno-historyczny praw Ormian polskich; Pomniki prawodawstwa polskiego, dotąd drukiem nie ogłoszone, i wiele innych rzeczy, które mi się nasuwają teraz właśnie, kiedy nanowo odczytuję wszystkie źródła do układu całego dzieła przez mnie niegdyś użyte. Pisałem w Warszawie, w miesiącu Październiku 1835. W. A. Maciejowski“. Rozmaitości. Pismo dodatkowe do Gazety Lwowskiej, 1836, № 43.

²⁾ Письма, стр. 753.

³⁾ Письма, стр. 735—736.

Исторіи (стр. 222—239), гдѣ рѣчь идетъ о славянской церкви, просить внимательно прочесть эти страницы и прислать возможно скорѣе все, что ему извѣстно по этому предмету относительно Чехіи и закарпатскихъ областей; важно было бы, по его мнѣнію, обратить на это вниманіе и другихъ чешскихъ ученыхъ и просить ихъ доставлять ему матеріалы въ Варшаву. „Amice, fer opem!“ упрощиваетъ онъ Ганку и далѣе жалуется на полное ученое одиночество въ Варшавѣ: „Ja tu nikogo nie mam, z kimby można było o tej rzeczy pomówić, ale wy Czechowie musicie wiele o tem wiedzieć¹⁾“.

Когда книга была окончена, Мацѣевскій представилъ ее на одобреніе варшавской цензуры, но не получилъ (по его словамъ) разрѣшенія на напечатаніе²⁾. Пришлось весь трудъ переписать вновь и отправить въ Петербургъ, гдѣ цензура, благодаря предстательству высокихъ покровителей, оказалась снисходительнѣе³⁾.

Патрономъ Мацѣевского оказался еще разъ кн. Ѳ. И. Паскевичъ, давшій ему возможность совершить въ 1834 году ученую поѣздку въ Прагу и исходатайствовавшій въ концѣ того же года у имп. Николая I средства на напечатаніе III-го и IV-го томовъ Исторіи. О новомъ трудѣ Мацѣевского Паскевичъ представилъ слѣдующую памятную записку (5 апрѣля 1838 г.) министру нар. проsv. С. С. Уварову⁴⁾.

„Извѣстный по изданію на польскомъ языкѣ сочиненія о славянскихъ древностяхъ, бывшій проф. закрытаго Варшавскаго университета, Мацѣевскій, послѣ усиленныхъ трудовъ собралъ достовѣрныя историческія свѣдѣнія о томъ, что свѣтъ христіанской вѣры проникъ въ древности во всѣ славянскія

¹⁾ Ср. еще Письма, стр. 739, 745.

²⁾ Съ этимъ заявленіемъ Мацѣевского не согласуются, однако, въ сообщаемой ниже запискѣ Паскевича строки, относящіяся къ варшавской цензурѣ.

³⁾ Письма, стр. 750.

⁴⁾ Дѣло это хранится въ И. П. Библ., откуда извлечено В. Науменкомъ. См. Кіевск. Стар., 1896, февр., стр. 63. Ср. Отчетъ И. П. Библ. за 1892 г., стр. 170.

области, и въ томъ числѣ въ Польшу, съ Востока, и что уже позже по политическимъ обстоятельствамъ, поставлявшимъ постепенно Польшу въ ближайшія съ Западомъ сношенія, проникло въ оную западное исповѣданіе и постепенно вытѣснило обрядъ восточной церкви“.

Паскевичъ находилъ, что „въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ“ такого рода сочиненіе могло бы имѣть „весьма полезныя послѣдствія“, но почему-то окружалъ свои хлопоты таинственностью, которая могла только вредить дѣлу, и полагалъ, что „для лучшаго успѣха нужно избѣгать всякаго, особенно гласнаго усилія правительства въ изданіи этой книги“. Дальнѣйшіе его доводы въ пользу необходимости хранить тайну были развиты нѣсколько страннымъ образомъ. Паскевичъ рассуждалъ:

„Если бъ оно было подвергнуто просмотру Варшавской цензуры, то, вѣроятно, встрѣтились бы противодѣйствія, которыя могли бы поставить въ необходимость обнаружить участіе и тѣмъ уронить самое сочиненіе, давъ поводъ противодѣйствующимъ утверждать, что оно составлено подъ особеннымъ вліяніемъ правительства. По этимъ уваженіямъ, нельзя ли здѣшней цензурѣ заняться просмотромъ сего сочиненія съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ одобренія могло оно быть напечатано въ Варшавѣ, что необходимо по двумъ причинамъ: во 1-хъ, потому, что отъ изданія этого сочиненія въ Варшавѣ зависитъ преимущественно благопріятное его вліяніе, и во 2-хъ, что Мацѣвскій, не имѣя здѣсь знакомыхъ и по важности приводимыхъ имъ историческихъ фактовъ, хочетъ самъ держать корректуру, дабы противники его не воспользовались какою-либо опечаткою, чтобы тѣмъ поколебать достоверность самыхъ фактовъ.“

Сочиненіе Мацѣвскаго по указанію моему представлено частнымъ образомъ въ Департаментъ Мин. Нар. Просв., и мнѣ остается покорнѣйше просить В. Прев. о приказаніи заняться просмотромъ онаго, и потомъ, послѣдуетъ ли одобреніе или нѣтъ, чтобы во всякомъ случаѣ поступлено было безъ огласки, такъ, какъ будто сочиненіе это представлено самимъ Мацѣв-

скимъ безъ участія мѣстнаго начальства Генераль-фельдмаршалъ кн. Варшавскій Гр. Паскевичъ-Эриванскій“.

Петербургская цензура, въ виду такого ходатайства, отнеслась къ труду Мацѣвскаго съ рѣдкимъ вниманіемъ. Цензоръ Гаевскій, которому поручено было рассмотреть его, уже 3-го мая представилъ свое заключеніе, а 6-го мая Уваровъ извѣщалъ Паскевича объ одобреніи рукописи Мацѣвскаго къ печати! Вообще, отношеніе къ труду Мацѣвскаго было самое благосклонное. Такъ, Гаевскій усмотрѣлъ въ сочиненіи его нѣкоторыя статьи, которыя, по смыслу Устава о цензурѣ, полагалъ нужнымъ подвергнуть предварительному рассмотрѣнію духовной цензуры, но министръ нар. просв., „не находя удобнымъ посылать въ духовную цензуру книгъ на польскомъ языкѣ, и по уваженію, что въ ней нѣтъ догматическихъ толкованій, а только заключаются историческіе факты“, разрѣшилъ Гаевскому одобрить сочиненіе Мацѣвскаго, не сносясь съ духовными властями. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя мѣста были исключены въ рукописи, и автору не разрѣшалось ихъ печатать ¹⁾). Рукопись возвращена была въ Варшаву Главному Директору, Предсѣдательствующему въ Правительственной Комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просв. Царства Польскаго, и ее приказано было доставить автору „черезъ благонадежное посредство и безъ огласки“. Тайна и осторожность соблюдались до конца.

По выходѣ книги въ свѣтъ, „Pamiętniki“ немедленно стали переводить въ Варшавѣ на русскій языкъ Орестъ Евецкій, а на французскій д-ръ Луи Сове (Sauvé), б. военный врачъ польскихъ войскъ. Обои переведена была только первая часть. Русскій переводъ вышелъ подъ заглавіемъ: „Исторія первобытной христіанской церкви у Славянъ ²⁾“.

¹⁾ Какія это были мѣста, — не указано точнѣе.

²⁾ Изъ книги г. Мацѣвскаго: *Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian*. Перевелъ Орестъ Евецкій. Варшава. Печатано въ типографіи Юліана Качановскаго. 1840. Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. Августа 14 дня 1839 г. Изданіе посвящено: Петру Θεодор. Еліашевичу, директору собств. Канц.

Французское издание озаглавлено: „Essai historique sur l'église chrétienne primitive des deux rites, chez les Slaves“. Traduit du polonais en français par le docteur Louis François de Sauvé etc. à Leipsic, chez I. C. Hinrichs. 1840.

Оба изданія ¹⁾ вышли на „казенный счет“, на средства, исходатайствованныя Намѣстникомъ, причемъ на печатаніе того и другого перевода было отпущено по пяти тысячъ золотыхъ. Переводъ Евецкаго разсылался всеѣмъ высшимъ іерархамъ православной церкви и библиотекамъ духовныхъ учебныхъ заведеній. „Эта любопытная книжка будетъ хорошимъ пособіемъ преподавателямъ и обучающимся церковной исторіи“, рекомендовалъ ее Красовскій. Подарки Паскевича приняты были, по словамъ Красовскаго, всюду съ живѣйшею благодарностью. Митрополитъ московскій Филаретъ писалъ по полученіи книги Красовскому: „Исторія первобытной христіанской церкви у Славянъ есть книга примѣчательная по отношенію къ Восточной церкви и къ исторіи Славянскихъ племенъ“... Такъ встрѣтили у насъ русскій переводъ ея.

Переводъ Сове предназначался „для Европы ²⁾“. Она поторопилась высказать свое сужденіе, и не дожидаясь этого спеціального изданія. Противъ Мацѣвскаго выступилъ быстро и по обыкновенію рѣшительно В. Копитаръ.

Въ незначительной замѣткѣ, вошедшей въ сборникъ статей, подъ заглавіемъ: „Hesyhii glossographi discipulus“

Намѣстника. Безъ всякаго предисловія, но съ прибавленіями переводчика: 1) О церквахъ въ Ольмицѣ и Брюнѣ (двѣ грамоты изъ сб. Бочка, т. I, 136—138). 2) Списокъ источниковъ. 3) Азбучный списокъ именъ, названій и вообще предметовъ, содержащихся въ „Исторіи первобытной христ. церкви у славянъ“. Второй томъ переведенъ былъ тогда же П. П. Дубровскимъ подъ загл.: „Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія слав. народовъ до XIV вѣка“, но напечатанъ въ Чтеніяхъ въ 1846 г., II.

¹⁾ Французское,—повидимому, не безъ хлопотъ самого Мацѣвскаго. Сове былъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. См. Préface къ его переводу. Сове собирался перевести и Исторію слав. законодательства.

²⁾ „Переводъ Сове,—говорилъ въ своемъ представленіи Государю Паскевичъ,—передавая Европѣ весьма любопытныя и достойныя распространія свѣдѣнія Мацѣвскимъ собранныя, заслуживаетъ, по моему мнѣнію, поощреніе“.

etc. ¹⁾, онъ обрушился на Мацѣвскаго, давши, къ сожалѣнію, широкій просторъ не столько убѣдительной, сокрушающей заблужденія его аргументаціи, сколько непонятной злобѣ и рѣзкости ²⁾. Возраженія Копитаря были направлены противъ взгляда Мацѣвскаго на первоначальное существованіе греческаго обряда у всѣхъ славянъ ³⁾ и противъ нѣкоторыхъ неправильно приписываемыхъ Мацѣвскимъ Копитарю мнѣній, напр., объ изобрѣтеніи католическимъ духовенствомъ глаголическихъ письменъ, болѣе древнихъ, чѣмъ кирилловскія. Замѣтка заканчивалась язвительною цитатою изъ свящ. писанія (Матв. 18, 7): „Necesse enim est, ut veniant scandala; verumtamen vae homini illi per quem scandalum venit“. Соблазнъ сѣялъ Мацѣвскій.

Въ сущности, все наиболѣе важное изъ возраженій Копитаря сообщилъ Мацѣвскому, нимало не обинуясь, въ письмѣ

¹⁾ Стр. 56—58. Изданіе имѣетъ два обозначенія года: Vindobonae 1840—на обложкѣ и 1839—на заглавномъ листѣ. Копитарь самъ называетъ этотъ сборникъ „памфлетомъ“, который содержитъ „slawische Miscellanea“. Книга уже печаталась, когда онъ общалъ Мацѣвскому: „Vielleicht sage ich auch ein paar Worte“... Письмо отъ 11 сентября 1839 г. Arch. f. slav. Phil., XXII, 632. Поэтому неправъ анонимный защитникъ Мацѣвскаго, который въ отзывѣ о книгѣ Копитаря (Ogędownik Nauk., 1841, str. 147) высказываетъ догадку, что Гезихій былъ въ сущности лишь ширмой (lekka osłona), а главная цѣль и намѣренія автора заключались въ „прибавленіи“ (отъ стр. 25), полномъ эрудиціи и въ то же время рѣзкихъ выходокъ по адресу извѣстнѣйшихъ славянскихъ ученыхъ.

²⁾ Этотъ выпадъ произвелъ непріятное впечатлѣніе на Линде, который писалъ Уварову 12/24 мая 1840 г.: „Recht empfindlich hat es mich geschmerzt, in dem Schriftchen meines alten Freundes Kopitar „Discipulus“ so viel Anzüglichkeiten gegen unsern Maciejowski zu finden; gemildet werden sie etwas dadurch, dass er Gaj, Szafarzyk, Palazki und die ganze böhmische Schule tüchtig mitnimmt; aber er streut doch Unkraut unter den Waizen, und da er lateinisch schreibt, so ist er allen jenen Lateinern in Galizien u. s. w. sehr zugänglich“. Русск. Фил. В., 1905, стр. 93.

³⁾ „Praecipua operis pars in eo versatur, ut persuadeat, non e. g. Russos tantum sed plane universam Slavorum gentem, quanta et nunc est, et olim fuit, nec extinctis dudum puto Radantiis et Polabis exceptis, fuisse primitus ritus graeci christianos, nec nisi Pontificis Romani et Imperatorum germanicorum artificii aut vi tandem Bohemos et Polonos et Hungaros... ab antiquiori graeco ad ritum latinum seu catholicum esse tractos“. Hesyhii glossogr., p. 56.

къ нему ¹⁾ въ сентябрѣ 1839 года, но частное письмо, разумѣется, было написано сдержаннѣе, хотя и въ немъ преподано было для самого Мацѣвскаго загадочное наставленіе: „Tu cave, ne sis nimis credulus, nunc bohemis, nunc aliis benignus nimis“. Предостереженіе въ самомъ дѣлѣ странное! Дружескія отношенія его къ Шафарику и Ганкѣ и всей той „кликѣ конспираторовъ“, которая такъ огорчала Добровскаго въ вопросѣ объ „открытіяхъ“, не могли вѣдь вліять на самостоятельность мнѣній Мацѣвскаго. Онъ справедливо не могъ понять, какимъ образомъ могло касаться его замѣчаніе о таинственной „clique conspiration“ ²⁾.

О выходѣ книги Копитаря Мацѣвскій узналъ изъ газеты Wiener Hofzeitung (1840, № 72, 12 März), вѣроятно, доставленной въ Варшаву кѣмъ-либо изъ друзей его. „Будемъ бороться за великую историческую истину, которая все болѣе меня занимаетъ“, писалъ онъ Погодину. Онъ готовился въ бой и усердно вооружался новыми матеріалами. Раньше отзыва Копитаря и вслѣдъ за нимъ появились еще замѣчанія польскихъ критиковъ ³⁾, и Мацѣвскій отвѣтилъ имъ немедленно ⁴⁾. Съ Копитаремъ онъ, очевидно, не хотѣлъ спорить: на оскорбительныя замѣчанія онъ отвѣтилъ презрительнымъ молчаніемъ и нанесенную обиду постарался забыть. Хорошихъ отношеній съ вѣнскимъ славистомъ у него никогда не было.

*
*
*

Значительно глубже поразило его обвиненіе, брошенное публично, ex cathedra, предъ лицомъ многочисленныхъ слу-

¹⁾ Сообщено нами въ Arch. f. slav. Phil., XXII, 632.

²⁾ См. письмо къ Погодину отъ 9 мая 1840 г., Письма, стр. 517. Ср. еще Письма къ Ганкѣ, стр. 764.

³⁾ Jed. M. въ № 34 Tygodnika liter., 1839 г.; J. I. Kraszewski въ № 94, str. 523, Tygodn. Petersb., 1839; перепечатано въ его Studjach liter., 1842, Wilno. „Różnice zachodzące między Pamiętnikami a hist.“, ст. И. Л. Рихтера, Bibl. Warsz., 1841, III—IV; возраженія Мац. тамъ же, 1842, IV, 104—132. Ср. еще замѣчанія К. Запа въ Č. Č. Mus., 1844, 247 и письмо Мац. Воцело, тамъ же, 1844, IV, 628,—противъ Запа.

⁴⁾ См. Polska aż do pierwszej połowy XVII w., IV, str. 440.

шателей, преимущественно польскихъ эмигрантовъ, великимъ соотечественникомъ Адамомъ Мицкевичемъ, недавно только открывшимъ свои чтенія по исторіи славянскихъ литературъ въ Collège de France. Со времени появленія статьи Копитаря прошло уже почти три года, горечь обиды могла въ сильной мѣрѣ ослабѣть и даже быть забытой, но новый ударъ, нанесенный гениальнымъ поэтомъ, окруженнымъ ореоломъ мученика и страдальца за національную идею, вновь поднялъ улегшіяся было тяжелыя чувства и думы.

Въ XIX-ой лекціи (12 апрѣля 1842 г.) Мицкевичъ, разсуждая между прочимъ о томъ, что такое измѣна національному дѣлу, пришелъ къ нѣсколько парадоксальному выводу. что въ Европѣ новаго времени только два народа, французы и поляки, обвиняли своихъ вождей и согражданъ въ этомъ преступленіи, и въ этомъ фактѣ онъ усматривалъ доказательство той великой миссіи (*wielkiego posłannictwa*), которую Провидѣніе опредѣлило на долю Польши и Франціи. И польская литература, среди прочихъ славянскихъ литературъ, представляетъ, по наблюденію Мицкевича, своеобразное явленіе: въ ней поэтъ находитъ неизвѣстный другимъ литературамъ классъ писателей-измѣнниковъ отчизны, которые отрекаются отъ имени и вѣры своей страны, позорятъ ея исторію, порочатъ нравы, безчестятъ характеръ народа, неистово встаютъ противъ вѣрныхъ сыновъ Польши, чтобы этимъ избѣжать преслѣдованій или приобрѣсти расположеніе притѣснителей. Извѣстнѣйшими среди этихъ соотечественниковъ-предателей, такъ сказать, родоначальниками ихъ, водрузившими знамя отступничества (*co zatknęli chorągiew tego odstępstwa*), поэтъ называетъ печально прославившагося въ русской литературѣ О. И. Сенковского (барона Брамбеуса), автора политическихъ памфлетовъ графа Адама Гуровскаго ¹⁾ и „въ из-

¹⁾ Графу Ад. Гуровскому принадлежатъ слѣдующія произведенія:

1) *La cause Polonaise sous son véritable point de vue.* Paris, 1831. 2) *La vérité sur la Russie.* Paris, 1836. 3) *La civilisation et la Russie.* St. Pbg., 1840; нѣмецкій перев.: Leipzig, 1841. 4) *Pensées sur l'avenir des Polonais.* Berlin, 1841; нѣм. перев.: Leipzig, 1842. 5) *Aus meinem Gedankenbuche.* Breslau,

вѣстной степени считающагося эрудитомъ“, изслѣдователя славянскихъ древностей В. А. Мацѣвскаго ¹⁾).

Мнѣнія Мицкевича о гр. Гуровскомъ мы касаться не будемъ: о сомнительной дѣятельности графа и о его писаніяхъ не было и нѣтъ въ польской литературѣ двухъ несогласныхъ отзывовъ, и поэтъ, надо думать, по праву заклеимилъ его ²⁾).

Но едва ли справедливо отнестя поэтъ къ О. И. Сенковскому, а еще болѣе опрометчивымъ и безосновательнымъ было причисленіе къ сонму „измѣнниковъ“ Мацѣвскаго, заслуженнаго ученаго, стяжавшаго трудами своими широкую извѣстность, далекаго отъ всякихъ выступленій политическаго характера, несомнѣнно, горячо преданнаго славянской идеѣ.

1843. 6) *Eine Tour durch Belgien*. Heidelberg, 1843. 7) *Impressions et souvenirs*. Lausanne, 1846; нѣм. перев.: Stuttgart, 1846. 8) *Die letzten Ereignisse Polens*. München, 1846. 9) *Le Panslavisme. Son histoire, ses veritables éléments: religieux, sociaux, philosophiques et politiques*. T. I. Florence. 1848, и др.

¹⁾ *Literatura Słowiańska*, Tom II, rok II, 1841—1842. Poznań, 1865, str. 203—204. Въ французскомъ текстѣ изданія 1849 г. (*Les Slaves etc*, Paris, 1849, III, 147—158, лекція бо-ая) мы этого мѣста не находимъ. Зд. оно передано болѣе сжато и обще, хотя и по стенографической записи.

²⁾ Вотъ какъ сильно, напримѣръ, характеризовалъ Гуровскаго современникъ: „Apostata ten w ojczyznobójstwie, szydzący z niego, istny łotr po lewicy zbawcy narodów zawieszony, bezecny wyrodek najniebezpieśliwszego z ludów, expiacują upadku człowieczeństwa docierpiających, bękarto-hrabia, nieczysty wymiot pseuboliberalizmu, wyrzucił nieczystszy jeszcze z swojego, przeznaczeniem i złą wolą zwichnionego i zaślepionego umysłu, wymiot, pod tytułem: *Prawda co do Rosyji i Rewolucyi prowincyi Polskich*“, Br. Trentowskiego *Listy Naukowe*. List II. *Polska w Apostazyi*, czyli tak zwanym *Russo-Sławianizmie* i w *Apoteozie*, czyli tak zwanym *Gallo-Kosmopolityzmie*. *Ogędownik Nauk.*, 1843, № 1, str. 4. Историкъ ноябрьскаго возстанія 1830 г. Баржиковскій видитъ въ Гуровскомъ „аргумента, кłamcę z profesyi i ze zwyczaju, człowieka najgorszej wiary i bezdennej nikczemności“. Э. Лунинскій (*Świat*, 1909, № 38) такъ отзывается о немъ: „paszkwilant, panslawista, bête noire emigracyi, postać na polu kатыlinarna, która burzliwą karyerę, rozpoczętą między paryską frondą, skończyła w awanturniczym amerykańskim odmęcie“. Мало въ сущности лестную характеристику графа находимъ въ воспоминаніяхъ Ѳ. В. Чиждова, который познакомился съ Гуровскимъ въ Римѣ въ 40-хъ г. г., гдѣ встрѣтилъ его въ обществѣ извѣстнаго историка славянскаго права Р. Губе: „Гуровскій мнѣ сильно понравился своею открытостью, своими самыми благонамѣренными сужденіями и особенно тѣмъ, что почти во всѣхъ, о комъ онъ ни говорилъ изъ нашихъ сановниковъ, да и вообще въ сужденіяхъ о большей части людей, кромѣ поляковъ, онъ умѣлъ показать преграду“. *Историч. Вѣстн.*, 1883, февр., 249.

Называя Сенковского предателемъ, Мицкевичъ, повидимому, повторялъ старыя обвиненія, не разбираясь въ ихъ основательности. Въ свое время, когда вышли „Collectanea“ (I—II, Warszawa, 1824—1825) Сенковского, польская критика вообще строго отнеслась къ издателю, а кое-гдѣ раздались и обидные упреки въ отсутствіи патриотизма. „Dziennik Warsz.“ особенно неодобрительно встрѣтилъ „Collectanea“, и Сенковскій 28 ноября 1825 г. жаловался Лелевелю на своихъ строгихъ судей: „Они не могутъ мнѣ простить „Collectanea“ и воображаютъ, что я написалъ ихъ въ антипольскомъ духѣ; знающіе меня думаютъ совсѣмъ иначе“¹⁾.

Замѣтимъ, что въ періодъ своихъ невольныхъ скитаній, вскорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ въ 1824 г., поэтъ познакомился съ Сенковскимъ, занимавшимъ тогда катедру восточныхъ языковъ въ петербургскомъ университетѣ, посѣщалъ вполсѣдствіи его домъ, хлопоталъ у него объ устройствѣ въ Петербургѣ друга своего Одынца, пользовался самъ указаніями Сенковского по части восточныхъ литературъ и даже написалъ въ альбомѣ женѣ его стихотвореніе. Однако и въ польской литературѣ не всѣ относились къ Сенковскому столь пренебрежительно: о немъ, какъ объ „извѣстнѣйшемъ русскомъ писателѣ“, съ гордостью говорилъ, напримѣръ, серьезный ученый журналъ *Bibl. Ossolińskich*²⁾.

„Отступничество“ и „измѣну“ еще меньше можно было связывать съ именемъ Мацѣевского и всею его плодотворною ученою дѣятельностью, любовно посвященною польской исторіи, праву, литературѣ, культурной жизни польскаго народа

1) См. брош. „Сенковскій въ своей перепискѣ съ Іоак. Лелевелемъ“, стр. 94, отд. отт. изъ „Зап. Почты“, 1878 г. Извлечено и переведено изъ варш. газ. „Echo“, 1878 г. Спасовичъ (Ист. слав. лит., II, 650) говоритъ, что Мицкевичъ не любилъ Сенковского и считалъ его ренегатомъ и опаснымъ человѣкомъ.

2) См. *Pamiętn. Tow. im. Mickiewicza*, III, 1889, 187—189. Стихотвореніе Мицкевича „*Szafary*“, для котораго Сенковскій сдѣлалъ ему дословный переводъ арабскаго текста, напечатано впервые въ петерб. изданіи 1829 г., I, 240. Ср. *Pamiętn. Tow. im. Mickiewicza*, III, 258.

3) 1843, VIII, 155, въ замѣткѣ: „*Dwaj z najznakomitszych terazniejszych pisarzy Rossyjskich Polacy*“, — о Сенковскомъ и Булгаринѣ.

вообще. Мацѣвскій оскорбленъ былъ въ лучшихъ своихъ чувствахъ человѣкомъ, къ словамъ котораго, какъ къ пророческимъ вѣщаніямъ, прислушивалось все патріотическое польское общество, и оправдаться въ тяжкомъ обвиненіи было поэтому нелегко. Онъ не прибѣгъ къ полемикѣ съ поэтомъ, сознавая, очевидно, что всѣ его оправданія и возраженія были бы бесполезны. Съ защитой могли бы выступить только ученые друзья его, но они не откликнулись: съ одной стороны, споръ изъ области научной перенесенъ былъ на почву патріотической благонадежности, и продолжать его въ этихъ условіяхъ не было смысла, съ другой — настойчиво поддерживать мнѣніе Мацѣвскаго значило навлечь на себя такія же обвиненія, какія посыпались на его голову ¹⁾.

Свое огорченіе Мацѣвскій излилъ въ частныхъ письмахъ. Такъ, въ письмѣ къ знаменитому чешскому физиологу и славянофилу профессору I. E. Пуркинѣ (отъ 20 окт. 1842 г.) онъ жаловался: „Czytałeś pewno w paryskim piśmie Narodowość, że mnie ten fanatyk Mickiewicz zdrajcą nazwał i na jednej szali z Gurowskim i Senkowskim umieścił. Niech mu Bóg tego nie pamięta! Ja jak byłem, tak pozostanę wiernym idei słowiańskiej i będę ciągle pielegnować słowiańską literaturę, samego Boga i dobro ogólne, bynajmniej zaś jakie bać stronnictwo przed oczami mając ²⁾”. Въ другомъ письмѣ, къ одному изъ русскихъ своихъ знакомыхъ Мацѣвскій прямо говорилъ о преслѣдованіяхъ, воздвигнутыхъ противъ него іезуитами въ польскихъ журналахъ, и

¹⁾ Самъ Мацѣвскій (Pisniennictwo Polskie, 1852, II, 935) заявляетъ, впрочемъ, что нѣкоторые періодическія изданія выступили противъ огульнаго отзыва Мицкевича „o literatach zdrajcach“ и предлагали ему или доказать свое сужденіе, или взять обратно свои слова, какъ унижающія его славу и достоинство имени польскаго. При этомъ Мацѣвскій ссылается на Dziennik Poznański, 1842, 173 и Przegląd Poznański, 1847, 510 и сл. Ниже мы цитируемъ статью Przeglądu Pozn., но она не защищаетъ Мацѣвскаго.

²⁾ Письмо въ библ. Чешскаго Музея, въ бумагахъ Пуркина.

почти буквально повторилъ изъ письма къ Пуркинѣ приведенную здѣсь жалобу на Мицкевича ¹⁾).

Но жалобы друзьямъ не вызвали никого изъ нихъ на защиту чести Мацѣвскаго. Когда онъ поинтересовался въ свое время (1835 г.) узнать мнѣніе Ганки по вопросу о славянскомъ обрядѣ, то осторожный Вячеславъ Вячеславовичъ отвѣтилъ ему: „Что касается меня, то я охотно присоединился бы къ вашему мнѣнію, но вы встрѣтите сильную оппозицію у католическихъ священниковъ ²⁾“. Обѣщаль было прислать свои замѣчанія Палацкій, но обѣщанія не исполнилъ. Нельзя было сослаться на инославянскіе ученые авторитеты, а между тѣмъ нападки не прекращались. Въ одномъ изъ писемъ къ Ганкѣ Мацѣвскій проситъ написать ему, читали ли *Ramiętniki* чешскіе священники, и каково ихъ мнѣніе, и добавляетъ: „Фанатики сердятся на меня, но разумные люди хвалятъ этотъ трудъ и не находятъ въ немъ ничего достойнаго порицанія ³⁾“. Эти отношенія подтверждаются и друзьями Мацѣвскаго. „Мацѣвскій бранится съ попами“, писалъ какъ-то близко знавшій варшавскія дѣла Мухановъ Погодину ⁴⁾).

Только въ 1852 г. въ новомъ трудѣ своемъ „*Piśmienictwo polskie*“ (II, 934—935) Мацѣвскій рѣшился напо-

¹⁾ „Was mich anbelangt,—писалъ онъ,—so ist meine Lage immer dieseble, mit der Ausnahme, dass nun die Jesuiten mich mehr wie sonst verfolgen. Ich hatte viel von ihnen für mein neuestes Werk zu dulden: sie haben gegen mich Schmähchriften in die polnischen Zeitschriften einrücken lassen, aber ich habe dennoch Freunde, die mich gegen ihre Angriffe vertheidigen. Selbst unsern Dichter den Adam Mickiewicz haben sie gegen mich aufzuhetzen gewusst, und dieser Herr hat die Freiheit gehabt mich schriftlich vor meiner Nation als einen Verräther des Vaterlandes anzuklagen. Gott verzeihe es diesem Fanatiker, der nichts von der christlichen Liebe und dem wahren Katholicismus zu wissen will!“ Изъ нашихъ матеріаловъ для біографіи Мацѣвскаго.

²⁾ Письма стр. 738. *Slov. Sborn.*, II, 407.

³⁾ Письма, стр. 765.

⁴⁾ Самъ Мацѣвскій въ письмѣ къ Ганкѣ 24 іюня 1841 г. говоритъ объ отношеніи къ нему мѣстныхъ клерикальныхъ круговъ: „Co tylko w mocy ludzkiej jest, czynię ja tu dla literatury słowiańskiej, ale coraz to więcej mam stąd nieprzyjemności, bo jezuici bardzo tu intrygują u tutejszych pietystów, w złem świetle wystawiając słowiańszczyznę“. Письма, стр. 767.

нить обществу о несчастномъ отзывѣ Мицкевича и свель въ немногихъ словахъ старый счетъ съ своимъ оскорбителемъ. Онъ отозвался съ пренебреженіемъ о лекціяхъ поэта по исторіи польской литературы ¹⁾, такъ какъ онѣ сѣяли заблужденія и ложныя представленія въ европейскомъ обществѣ относительно славянъ вообще и поляковъ въ частности и принесли, слѣдовательно, больше вреда, чѣмъ пользы. Повидимому, Мацѣевскому хотѣлось вызвать со стороны Мицкевича отвѣтъ на повторенное ему предложеніе „взять свои слова обратно”. По крайней мѣрѣ, въ 1858 г. въ предисловіи къ VI-му тому „Historyi prawodawstw słow.” (II изд.) онъ еще разъ вспомнилъ о столкновеніи съ Мицкевичемъ. Уже послѣ смерти поэта краковскій *Czas* (1856, № 91) напечаталъ замѣтки его (notaty) на IX-й выпускъ „Piśmiennictwa Polskiego” Мацѣевского. Тонъ этихъ замѣчаній съ самаго начала былъ пренебрежительный и полный ироніи. Вотъ начало ихъ: „6 kwietnia 1853 r. Przysłano nam dzisiaj 9-ty poszyt Piśmiennictwa Polskiego. Wydał Maciejowski. Czytamy. Byliśmy co chwila w zdumieniach nad uwagami wydawcy. Co to wszystko znaczy? Ale znamy już zdawna wydawcę i wiemy, że to nic nie znaczy. Zaczniemy od nawiasów. Nic nie znaczące, a przecież nas dziwią. Bo dziwna jest pogarda Maciejowskiego nad umysłami polskimi. Objasnia on w swoich nawiasach wszystko to, czego nie rozumie. Rzeczy szerokie i ogromne, a przekonany jest, że czego on nie rozumie, musi być polakom nie zrozumiałe“ и т. д. Мацѣевскій не могъ оставить ихъ безъ возраженія и въ полемическомъ задорѣ тоже не особенно былъ тактиченъ. „Wieczny pokój popiołom wieszczal! zawolałem, słowa jego przeczytawszy”, писалъ онъ въ названномъ предисловіи. „Milczeniem pokrył śpiewak Walenroda, com w Piśmiennictwie II, 934 o jego na mnie

¹⁾ „W odczytach, które miewał, przedstawiał i polską literaturę, ale tak błędnie i namiętnie dał ją poznać słuchaczom, tak malignowo przedstawił ją, iż przez to zaszkodził jej raczej niż pomógł, wprowadziwszy w błąd zachodnią Europę o narodowości i umysłowości płodach tak Słowian wogóle, jak w szczególe Polaków”. О лекціяхъ Мицкевича вообще высказывались разнообразныя мнѣнія и своими и чужими.

paraści wyrzekł, a przyczepił się do drukowanych języka polskiego pomników, ni to ni owo o nich zaimprovizowawszy, nie coby należało do rzeczy nie powiedziawszy"... Споръ касался изданныхъ Мацѣвскимъ памятниковъ древне-польскаго языка и его несовѣмъ счастливыхъ чтеній текстовъ.

Долго еще не могъ Мацѣвскій забыть поэту его пре-грѣшеніе и предаль забвенію прошлое лишь много лѣтъ спустя послѣ смерти Мицкевича, когда, повидимому, имѣлъ неоспоримыя доказательства, что поэтъ самъ сожалѣлъ о неосторожно сказанномъ когда-то словѣ. Въ альбомѣ, подаренномъ польскими посѣтителеми Карловыхъ Варовъ владѣльцу того дома, въ которомъ въ 1829 году жилъ Мицкевичъ, Мацѣвскій въ 1873 г. написалъ слѣдующія примирительныя строки: „Wyczytałem z listu twoich adeptów Adamie, żeś żałował tego, iż mnie nie poznałeś, pisał to Bogdan Zaleski do Michałowskiego Felixa w Saint-Etienne, a ten doniósł mi o tem do Warszawy. A więc zgoda z nami. Pisał w Karlsbadzie d. 24-go Sierpnia 1873 r. Wacław Alexander Maciejowski”.

Обвиненіе, которое Мицкевичъ столь неосмотрительно бросилъ въ лицо Мацѣвскому, обратилось тотчасъ по злой ироніи судьбы противъ самого поэта. Уже послѣ первыхъ лекцій его въ Парижѣ въ наиболѣе радикальныхъ кругахъ эмиграціи раздались недовольные голоса. Козьянъ въ письмѣ изъ Парижа отъ 21 декабря 1841 г. такъ опредѣлялъ это настроеніе: „Krzyczą ludzie polityczni na tendencye słowiańsko-rossyjskie, z wielką namiętnością sądzą Adama, nigdy jeszcze dzikszych wrzasków w tułactwie nie było ¹⁾”. Мицкевича громко и страстно обвиняли въ томъ, что онъ въ своихъ славянскихъ лекціяхъ, превознося могущество Россіи, явно прокладываетъ путь московскому славянству (Słowiańszczyźnie moskiewskiej), въ его чтеніяхъ видѣли симпатіи „къ Москвѣ”, въру поэта въ ея великое будущее ²⁾. Эмиграціонная печать

¹⁾ Pamiętn. Tow. im. Mickiewicza, V, 266.

²⁾ „Słów jego inaczej rozumieć nie można, tylko tak, że do Moskwy, do jej politycznych zasad Słowianie swoje nadzieje zwracać powinni. Pol-

въ партійномъ ослѣпленіи заходила такъ далеко, что неоднократно ставила имя великаго поэта рядомъ съ ненавистнымъ именемъ Адама Гуровскаго ¹⁾ и столь же смѣло и бездоказательно говорила объ „отступничествѣ” (odstępstwo) Мицкевича, какъ Мицкевичъ называлъ измѣнникомъ Мацѣевского.

И это нелѣбое обвиненіе повторяли другіе польскіе органы. Такъ, познанскій Rok (1845, № XI и XII) въ статьѣ: „Pisarze Polscy wobec potrzeby narodowej” еще разъ ставилъ Мицкевича рядомъ съ Гуровскимъ, Грабовскимъ и Ржевускимъ, а творенія поэта, даже „Pana Tadeusza”, съ національной точки зрѣнія подвергъ осужденію. Поэту ставилось въ вину даже то, что онъ напечаталъ своего „Walenroda” въ Петербургѣ! По выраженію защитника добраго имени Мицкевича Г. Цегельскаго ²⁾, критикъ познанскаго журнала сдѣлалъ изъ поэта „панслависта и даже москала” (panslawiście lub moskala nawet)! Вотъ до какихъ предѣловъ дошли взаимныя обвиненія! Обуреваемые политическими страстями, головы лучшихъ людей туманились и не разбирались въ общей сумятицѣ мнѣній, взглядовъ и партійныхъ лозунговъ ³⁾.

* * *

На Мацѣевского ополчился обширный лагерь противниковъ его еретическаго мнѣнія ⁴⁾. Отзывъ Мицкевича отра-

ska? to sen! Moskwa? to najokazalsza rzeczywistość, za której ruchem powinna iść Polska. Nawet Adam Gurowski dobitniej i jaśniej swego odstępstwa nie wyrozumował”... „Nigdy Moskwa głośniejszej nie uzyskała apostazyi, nigdy silniejszy fałsz nie był zadany powszechnemu uczuciu Europy”. Pamiętnik, III, 86. Ср. еще Wł. Mickiewicz, Żywot Ad. Mickiewicza, II, CIX; IV, oddz. III, 608, CXI—CXII.

¹⁾ Pamiętnik, III, 89, 90.

²⁾ Въ статьѣ: Odrzucenie potwarzy, rzuconej na Mickiewicza”, въ ж. Ogródnik Naukowy, 1845, str. 196.

³⁾ Такъ, въ новѣйшее время подобнымъ нападкамп подвергался проф. М. Здзѣховскій „за пропаганду панславизма” и вообще за свою яко бы „москалефильскую” дѣятельность, выразившуюся въ чествованіи въ краковскомъ Славянскомъ клубѣ памяти Пушкина и Гоголя. Не избѣжали этихъ обвиненій и другіе польскіе ученые. См. брошюру Скриптора „Materiały i myśli polityczne”.

⁴⁾ Интересно отмѣтить, что уже первое изданіе Истории обратило

зился неоднократноъ эхомъ, причеиъ обвиненіе формулировалось иногда конкретнѣе, опредѣленнѣе. Авторъ жалкой компиляціи „Piśmiennictwo polskie w zagrysie“¹⁾ дерзнулъ еще разъ съ чужого голоса назвать Мацѣвскаго вмѣстѣ съ М. Грабовскимъ „pisarzami zaprzędanymi nieprzyjacielom kraju“²⁾. Въ походѣ на Мацѣвскаго принимала особенно живое участіе познанская журналистика. Застрѣльщикомъ выступилъ Tygodnik literacki. По поводу статьи журнала Ogrędownik Naukowy (Poznań, 1843, № 3), содержащей неодобрительный отзывъ о познанской литературѣ вообще, въ Tygodnik'ѣ (1843, str. 30) появилось письмо къ редактору, опять заключающее известное намъ обвиненіе. „Płody literatury poznańskie są u nas wysoko cenione“, протестовалъ авторъ этого письма, „od wszystkich poważane, wyjąwszy te tylko, względem których znaleźliśmy dowody dopuszczenia się zdrady, które pracują nad wyrobieniem pomysłów o swoim Pseudo-Sławianizmie“. Далѣе прямо назывался, какъ одинъ изъ проповѣдниковъ этого „псевдославянизма“, „pan W. A. M. z Warszawy“, т. е. Мацѣвскій, и его пражскій пріятель и вдохновитель Вячеславъ Ганка, избравшіе Ogrędownik органомъ распространенія своихъ зловредныхъ идей. Доказательствомъ такой преступной съ національной точки зрѣнія литературной дѣятельности Мацѣвскаго явились вскорѣ

на себя вниманіе подозрительныхъ пражскихъ властей. Мацѣвскій усиленно снабжалъ всѣхъ славянскихъ друзей своими книгами, прося ихъ содѣйствовать продажѣ ихъ. Ганка, у котораго хранились книги Мацѣвскаго, испыталъ изъ-за этого цѣлый рядъ непріятностей. „Nie uwierzysz, Sz. Panie Waclawie,—писалъ онъ Мацѣвскому (17 окт. 1835 г.),—jakich ambarasów mnie książki Pańskie narobiły"... Книги Мацѣвскаго онъ вынужденъ былъ наконецъ сдать книгопродавцу: „Albowiem mnie dokuczali, że ja, nie będąc księgarzem, ani pozwolenia mając, w oczach rządu zjawiam się niby rozprzestraniciel wątpliwych książek, pod tytułem dozwolonych“. Письма, стр. 743. Конечно, причина придирокъ пражскихъ властей была иная, чѣмъ у ученыхъ критиковъ Мацѣвскаго.

1) Skreślił E. D., т. е. Edw. Dembowski, Poznań, 1845.

2) Ogrędownik Nauk., 1845, 56, 63. Мацѣвскій въ изображеніи Дембовскаго являлся представителемъ „чистаго панславизма“, отрицавшаго польскую національную идею; понятія его о славянствѣ назывались варварскими.

еще и его путевые очерки: „Korrespondencya z Petersburga” и „Kilka wspomnień pobytu mego w Moskwie w 1842 r.”, напечатанные въ *Oređowniku* (1843, № 22, str. 175; 1844, № 28—30). При самомъ настойчивомъ желаніи найти въ этомъ нѣсколько сухомъ отчетѣ о занятіяхъ въ московскихъ бібліотекахъ (Синодальной Типогр., Патриаршей, Царскаго, Общества Исторіи и Древностей) и архивахъ, о встрѣчахъ и ученыхъ знакомствахъ (о гр. С. Г. Строгановѣ, П. М. Строевѣ, М. П. Погодинѣ, С. П. Шевыревѣ, Н. И. Крыловѣ, Θ. Морозкинѣ и П. В. Кирѣевскомъ, бывшемъ неотступнымъ спутникомъ его во время пребыванія въ Москвѣ) что-либо компрометирующее „доброе имя” Мацѣвскаго, трудно построить на этой статьѣ обвиненіе въ тяжкомъ преступленіи противъ отчизны. Статья могла, конечно, кое-кому не нравиться какъ своимъ содержаніемъ, темой, такъ и тономъ, спокойными и безпристрастными сужденіями автора о причинахъ историческаго роста Москвы, описаніемъ ея сокровищъ и красотъ, которыя не могли не восхищать знатока славянской древности, но въ ней рѣшительно не было ничего „предательскаго”. Но *Tygodnik liter.* (1844, str. 167) обратилъ на нее свое вниманіе и сдѣлалъ *Oređowniku* предостереженіе: „*Oređownik Naukowy w ostatnich swych numerach umieścił kilka wspomnień z przejażdżki odbytej do St. (dla autora pewno świętego) Petersburga i kilka wspomnień Moskwy, oba artykuły przez W. A. M. ¹⁾*. *Artykuły te potwierdzają na nowo to, o co my pana W. A. M. obwiniamy. Niech Oređownik pamięta, że rozkrzewiając zasady takie, podpada winie, za którą ni przed ludźmi ni przed Bogiem nie będzie mógł odpowiedzieć*”. Впрочемъ, *Tygodnik* не первый выступалъ съ такого рода предупрежденіемъ: оно было высказано нѣсколько раньше въ какой-то лейпцигской газетѣ, на которую ссылается замѣтка *Tygodnika*.

¹⁾ Мацѣвскій изъ Москвы черезъ Тверь и Новгородъ прибылъ въ С.-Петербургъ. Путешествіе, по его словамъ, продолжалось больше двухъ мѣсяцевъ и принесло польскому ученому много пользы. Шафарикъ, которому Мацѣвскій сообщилъ о своемъ намѣреніи, ожидалъ много хорошаго отъ поѣздки его „въ Мекку и Медину”. Письма къ Погодину, стр. 521.

Смѣлыя, но не разбиравшія въ средствахъ вылазки дѣйствовали заразительно. Въ „панславизмѣ” сталъ тотчасъ же обвинять Мацѣвскаго и познанскій журналъ Rok (Poznań, 1844, III, 62). Отозвались и другія изданія.

Въ 1847 г. въ журналѣ Przegląd Poznański (czerwiec) появилась обширная обличительная статья: „O wyobrażeniach szerzonych przez p. W. A. Maciejowskiego”, цѣликомъ направленная противъ „Pamiętników” и взгляда Мацѣвскаго на начала христіанской церкви у славянъ вообще и у поляковъ въ частности. Тутъ Мацѣвскій прямо обвинялся въ нерасположеніи къ католицизму („niechęci przeciw katolicyzmowi”), въ его взглядахъ усматривались какія-то спеціальныя симпатіи къ тѣмъ славянамъ, которые уклонились отъ католическо-европейскаго и польскаго направленія („którzy wyszli po za katolicko-europejski i polski kierunek”), при этомъ совершенно голословно заявлялось, что онъ яко бы придаетъ своимъ „открытіямъ” величайшее политическое и религіозное значеніе. „Онъ не скрываетъ своей мысли. Она имѣетъ необыкновенно широкое значеніе, касается всѣхъ славянскихъ отношеній въ прошломъ и настоящемъ, она потрясаетъ основы нашего историческаго бытія („wztrząsa gruntem naszej historycznej istności”), утверждалъ обвинитель. Не прощались Мацѣвскому и его мнѣніе о существованіи славянскаго обряда у мадяръ, и самостоятельный, смѣлый взглядъ его на дѣятельность св. Войтѣха („Św. Wojciech, Słowianin, jedna z najpiękniejszych religijnych postaci, najżywiej przenikniony chrześcijańskim uczuciem, nieugięty i łagodny, męczennik—po odkryciach p. Maciejowskiego pokazuje się jako zły duch Węgrów i Polaków”), и мн. др.

Не опровергая заблужденій Мацѣвскаго фактами и данными исторіи, авторъ этой статьи ограничился лишь тѣмъ, что назвалъ результаты его разысканій въ высокой степени ненадежными, натянутыми, часто даже совершенно ложными или просто вымышленными и направленными къ оскорбленію религіозныхъ основъ, которыми народъ жилъ десять вѣковъ. „Такія разысканія,—разсуждалъ онъ,—не могли быть вну-

шены ни чувствомъ правды, ни глубокимъ пониманіемъ европейской цивилизаціи”.

Продолжая свои нападки, критикъ приходилъ къ заключенію, что высказанные Мацѣвскимъ взгляды слѣдуетъ признать отреченіемъ отъ польской исторіи и національныхъ основъ ея. „Польша десять столѣтій жила религіознымъ заблужденіемъ и до сихъ поръ пребываетъ въ религіозномъ заблужденіи”, саркастически заключалъ судья смѣлаго новатора-историка и приходилъ къ совершенно произвольному выводу: „Г. Мацѣвскій не даетъ совѣта, чтобы Польша, отказавшись отъ католическаго исповѣданія, вступила въ церковь, надъ которою почіеть благословеніе Божіе, — нѣтъ. Но такой призывъ былъ бы логическимъ, естественнымъ и необходимымъ”. Тутъ уже, какъ видимъ, критикъ говорить за Мацѣвскаго и увлекается въ своихъ умозаключеніяхъ.

Не имѣя въ своемъ ученомъ арсеналѣ никакого оружія противъ мнѣнія Мацѣвскаго, онъ выдвигаетъ въ заключеніе лишь авторитеты Добровскаго и Копитаря, высказавшихся противъ существованія славянскаго обряда у западныхъ славянъ, и заканчиваетъ свой отзывъ не столько остроумнымъ, сколько злымъ и оскорбительнымъ для польскаго ученаго предположеніемъ: „Teoriam p. Maciejowskiego, odrzuconym wszędzie przez najwyższe powagi naukowe, mniemamy, udzielił zatwierdzenie Przenajświętszy Synod Petersburski— a może i dał pierwsze nadchnienie”. Свободное мнѣніе историка здѣсь подмѣнялось „внушеніемъ”, да еще исходящимъ изъ чуждаго, „враждебнаго” лагеря. Авторъ статьи *Przeglądu* не постѣснялся сдѣлать скверный намекъ и сказать при этомъ больше, чѣмъ позволили себѣ другіе, болѣе авторитетные въ научномъ отношеніи и въ общественномъ мнѣніи несравненно выше стоявшіе противники.

Мы видѣли выше, что Мацѣвскому прямо ставилось въ вину и распространеніе такихъ взглядовъ, которые подрывали исконныя основы польской исторіи, и явное сочувствіе къ славянскому обряду, и чуть ли не преступное исполненіе чужихъ замысловъ и внушеній.

Не смотря на это Мацѣвскій не слагаетъ оружія: онъ неутомимо продолжаетъ любимыя занятія, собираетъ новыя и обильныя матеріалы и подготавливаетъ новое изданіе Исторіи. Планъ переработки ея возникъ уже давно, и Мацѣвскій еще въ началѣ декабря 1836 года дѣлился съ Ганкою радостною вѣстью, что изданіе быстро подвигается впередъ, и что черезъ годъ онъ надѣется начать печатаніе ¹⁾. Ученые ждали новаго изданія съ нетерпѣніемъ. Но дѣло затянулось. У Мацѣвскаго не было средствъ на изданіе шеститомнаго спеціального труда. Друзья хотѣли придти ему на помощь, но ихъ хлопоты ни къ чему не приводили. Срезневскій совѣтовалъ представить трудъ на Демидовскій конкурсъ ²⁾, но самъ, по видимому, не вѣрилъ въ успѣхъ этой попытки изыскать средства на изданіе. Болѣе удачно посовѣтовалъ А. Θ. Гильфердингъ, направившій Мацѣвскаго къ гр. Блудову. „Графъ Блудовъ назначенъ президентомъ Академіи,—писалъ ему Гильфердингъ 24 декабря 1855 г.;—онъ же нашъ законодатель и потому болѣе всѣхъ долженъ быть склоненъ помочь дѣлу, столь важному для юридической науки вообще и въ особенности для славянской; при томъ же онъ всегда оказывалъ большое сочувствіе ко всѣмъ трудамъ по части славянской словесности и науки. Обратитесь къ нему лично, какъ къ русскому законодателю..., изложите ему въ письмѣ сущность вашего труда и невозможность издать его безъ помощи со стороны казны,—и можно предполагать, что будетъ успѣхъ”. Расчетъ былъ вѣрный. Очевидно, по совѣту Блудова Мацѣвскій обратился за помощію къ Государю и просилъ у него „заимообразнаго пособія” въ двѣ тысячи рублей ³⁾.

1) Уже тогда ясно обрисовался весь планъ: „Wyjdzie całe dzieło w VI tomach, z których dwa pierwsze podług edycji dawnej będą zupełnie przerobione i teraz będą składać tomów 4. W nich będzie... w tomie IV. dodatki, to jest rozprawę, gdzie: rozprawa o obrzędku słowiańskim”. Письма къ В. Ганкѣ, стр. 748.

2) Изъ переписки В. А. Мацѣвскаго, стр. 34.

3) Ходатаемъ за Мацѣвскаго былъ гр. Блудовъ. „Его Величество во уваженіе особыхъ трудовъ и пользы, которую доставитъ Мацѣвскій

Новое изданіе „Исторіи славянскихъ законодательствъ”, значительно распространенное, въ шести томахъ, вышло въ теченіе 1856—1858 г. Русскіе друзья польскаго ученаго опять стали думать о переводѣ полезнаго труда на русскій языкъ. Бодянский еще до выхода второго изданія (въ 1847 г.) выражалъ желаніе, чтобы эту работу произвелъ кто-либо изъ русскихъ варшавянъ, и чтобы переводъ могъ немедленно, вслѣдъ за подлинникомъ выйти въ свѣтъ, отдѣльнымъ ли изданіемъ, или въ какомъ-либо журналѣ. Онъ указывалъ при этомъ на Дубровскаго, Евецкаго и Савинича, какъ на наиболѣе подходящихъ переводчиковъ ¹⁾. Въ іюлѣ 1856 г., когда книга еще не была получена въ Москвѣ, А. И. Кошелевъ писалъ Мацѣевскому: „Мы предполагаемъ пріискать хорошаго переводчика съ польскаго языка и тотчасъ по выходѣ I-го тома вашей Исторіи приступить къ переводу оной на русскій языкъ” ²⁾. Однако этотъ переводъ появился нескоро. Часть перваго тома напечатана была въ Чтеніяхъ Общ. ист. и др. въ 1858 г. (кн. I), вторая часть появилась только въ 1860 г. (кн. III, гдѣ напечатанъ переводъ § 113—217), а конецъ совсѣмъ не былъ изданъ. Бодянский еще въ іюлѣ 1865 г. оправдывался предъ Мацѣевскимъ: „Конецъ перевода I-го тома готовъ и выйдетъ, ежели возможно, непременно къ новому году. За исправность его отвѣчаю я, такъ какъ переводчикъ на первыхъ же порахъ оказался несостоятельнымъ, и я долженъ былъ взяться самъ за это дѣло” ³⁾.

Осужденное и отвергнутое мнѣніе о существованіи славянскаго обряда у поляковъ было повторено и въ новомъ изданіи съ прежнею смѣлостью (томъ IV). Оскорбительныя упреки и обвиненія критики не поколебали убѣжденія историка. Но за это упорство въ столь единодушно осужденномъ ортодоксами и не въ мѣру строгими патриотами пре-

ученому свѣту изданіемъ своего сочиненія, всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать автору... тысячу рублей серебромъ безъ возврата” (въ февр. 1856 года).

¹⁾ Изъ переписки В. А. Мацѣевскаго, стр. 25.

²⁾ Тамъ же, стр. 38.

³⁾ Тамъ же, стр. 45.

грѣшеніи Мацѣвскому пришлось перенести еще одно тяжелое испытаніе, испытать новую чашу горечи.

Оба труда Мацѣвскаго, „*Historya Prawodawstw*” и „*Pamiętniki*”, совершенно неожиданно попали, въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, въ Index запрещенныхъ книгъ (*Index librorum prohibitorum*)! Исторію этого злключенія подробно излагаетъ въ фельетонѣ львовской газеты *Słowo Polskie* (1904, № отъ 29 янв.) д-ръ Семковичъ, который во время пребыванія своего въ Римѣ въ 1903 году задался цѣлью выяснить, какимъ образомъ и благодаря кому книги Мацѣвскаго постигла такая судьба. Изъ труда Reusch'a „*Der Index der verbotener Bücher*” (II, 1030) онъ узналъ, что въ годы появленія второго изданія Исторіи совѣтникомъ и докладчикомъ конгрегациі Index'a былъ одинъ изъ основателей ордена змартвыхвстанцевъ о. Семененко. Въ качествѣ цензора польскихъ книгъ онъ представилъ конгрегациі свой докладъ о внесеніи въ Index двухъ наиболѣе извѣстныхъ трудовъ Мацѣвскаго, и конгрегациа, согласившись съ его представленіемъ, издала декретъ объ этомъ 18 августа 1859 года ¹⁾.

Въ бумагахъ о. Семененка, хранящихся въ Римѣ, въ архивѣ змартвыхвстанцевъ, д-ръ Семковичъ нашелъ нѣсколько интересныхъ документовъ, относящихся къ этому „запрещенію”. О. Семененко обвинялъ Мацѣвскаго въ томъ, что онъ отдавалъ предпочтеніе славянскому обряду предъ латинскимъ, вообще восхвалялъ его и доказывалъ, ссылаясь на историческія данныя, что свв. Кириллъ и Меѳодій подвергались за свою дѣятельность преслѣдованіямъ со стороны нѣмцевъ; да-лѣе, Мацѣвскому ставился въ вину его взглядъ на бракъ у

¹⁾ Слѣдуетъ отмѣтить, что „братья змартвыхвстанцы” были въ очень близкихъ отношеніяхъ съ Мицкевичемъ. О. Семененку Мицкевичъ намѣренъ былъ уступить свою кафедру въ Collège de France послѣ перваго года чтеній, считая его наиболѣе подходящимъ для этой дѣятельности. X. Paweł Smolikowski, *Historya Zgromadzenia Zmartwychwstania Pańskiego*, IV, str. 2. Вообще, между Римомъ (кружокъ „Braci zjednoczonych”, а затѣмъ „Dom rzymski”, основанный кс. Кайсевичемъ и Семененкомъ въ 1838 г.) и Парижемъ, гдѣ былъ центръ эмиграціи, существовали оживленныя связи. См. *Pamiętnik Tow. im. Mickiewicza*, V, 256—257.

древнихъ славянъ, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, въ особен-ности его доказательствъ о гражданскомъ характерѣ этихъ браковъ; наконецъ, изъ сочиненій Мацѣвскаго выводилось заключеніе, что онъ не признаетъ папу наслѣдникомъ Христа и св. Петра. Для обвиненія по всеѣмъ этимъ пунктамъ въ *Pamiętnikach* и отчасти въ *Historyi prawodawstw* имѣлось, несомнѣнно, немало матеріала, и построить на немъ обвинительный актъ, съ точки зрѣнія ортодоксально-католической было совершенно нетрудно ¹⁾.

Глубоко потрясенный наложеннымъ на его два важнѣйшихъ труда запрещеніемъ, Мацѣвскій рѣшилъ обратиться за защитой къ папѣ. Вотъ его письмо къ нему, извлеченное изъ архива змартвыхвстанцевъ д-ромъ Семковичемъ:

„Пию IX, папѣ католическаго міра и святѣйшему отцу! Изъ ученыхъ журналовъ, издающихся въ Познанѣ, я узналъ, что св. Конгрегация приказала — увы, по твоему распоряженію,—помѣстить въ Индексъ запрещенныхъ книгъ два моихъ труда. Не повѣришь, святѣйшій отецъ, какую боль причинилъ мнѣ, католику, этотъ твой декретъ. Но ты огорчилъ не только меня, но и читателей моихъ трудовъ, которые считаютъ себя согрѣшившими, такъ какъ они читали еретическую книгу. Изложу мое дѣло вкратцѣ, прочее разъяснить прилагаемая записка.

Уже истекаетъ почти сорокъ лѣтъ съ того времени, какъ я занялся изслѣдованіями по исторіи славянскихъ законодательствъ, стараясь доказать, что въ Европѣ, кромѣ римскаго и германскаго права, существуетъ еще право славянское, опирающееся на національныя основы, самобытное и значи-

¹⁾ О Кириллѣ и Меѣ. см. *Pamiętniki*, I, 76 и сл. О папской власти, тамъ же, стр. 47. Интересно отмѣтить, что здѣсь въ экз. *Pamiętników* варш. унив. библ. (sign. IV. 26. 5. 5) неизвѣстнымъ читателемъ сдѣлано замѣчаніе, несомнѣнно, стараго происхожденія: „Zaprzecza tu autor Bożego posłanictwa papieżowi”. Это—очевидный отголосокъ общаго убѣжденія противниковъ Мацѣвскаго. О славянскомъ обрядѣ—тамъ же, стр. 43—44, 50—51, 58; о ненависти славянъ Каринтіи къ латинск. обряду—тамъ же, стр. 74. Въ *Histor. prawod.*, IV, § 313 и сл.—рѣзко отрицательно о дѣятельности іезуитовъ. *Beżzenność księży*, *Pamiętn.* I, стр. 211; *Wieloleństwo u Słowian*, тамъ же, стр. 231.

тельно болѣе гуманное. Въ трудѣ, посвященномъ исторіи этого права съ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII в. по Р. Хр. и изданномъ въ четырехъ томахъ (въ 1856 г. и въ слѣдующіе годы), я представилъ очеркъ каноническаго права въ Польшѣ, Чехіи и у другихъ католическихъ народовъ, первоначально имѣвшихъ литургію на славянскомъ языкѣ, а впослѣдствіи на латинскомъ.

Какъ только появилось первое изданіе моего труда, критики упрекнули меня, что я слишкомъ поверхностно обработалъ чрезвычайно важный вопросъ и что я долженъ въ дополненіи яснѣе высказаться, что это былъ за обрядъ на славянскомъ языкѣ и почему его мѣсто занялъ латинскій. Удовлетворяя ихъ желанію, я прибавилъ еще два тома исторіи права, въ которыхъ изложилъ судьбы славянскаго обряда до раздѣленія церквей и послѣ него (przed i po schyzmie). Вмѣстѣ съ тѣмъ я доказалъ, что славяне, пользуясь этимъ обрядомъ, какъ католики, признавали всегда главенство римскаго епископа, намѣстника св. Петра. Въ заключеніе я объяснилъ документы, содержавшіе часть провинціональнаго каноническаго славянскаго права.

Клянусь всемилостивѣйшимъ Богомъ и всѣми святыми таинствами, что такова дѣйствительно мысль Исторіи славянскихъ законодательствъ и прибавленій, а не такая, какъ ее подиктовалъ неизвѣстный мнѣ по имени цензоръ кардиналу, докладывавшему это дѣло въ св. Конгрегаціи.

Поэтому всепокорнѣйше прошу тебя, святѣйшій отецъ, приказать исключить мои труды изъ Индекса запрещенныхъ книгъ и соблаговолить письменно увѣдомить меня о твоемъ рѣшеніи”.

Къ письму приложена была особая записка, содержащая оправданіе мнѣнія Мацѣевскаго о существованіи славянскаго обряда у славянъ западныхъ. Мацѣевскій каялся и съ первыхъ же строкъ оправданія признавалъ, что церковь восточная стояла ниже западной, такъ какъ не имѣла де духовенства, одареннаго въ такой мѣрѣ, какъ церковь римская, и всегда поэтому уступала ей первенство и т. д. Но просьба

его не была исполнена. Перерѣшить дѣло должна была та же Конгрегація, или вѣрнѣе — главный докладчикъ ея о. Семеновко, а онъ остался неумолимымъ: просьбѣ Мацѣвскаго онъ не далъ хода, и клеймо запрещенія осталось на трудахъ его до нашихъ дней. Мацѣвскій умеръ въ январѣ 1883 г., не дождавшись пересмотра дѣла. Между тѣмъ наиболѣе существенное изъ мнимыхъ прегрѣшеній его оказалось далеко не такую ужасною ересью, какою оно представлялось его противникамъ. Мнѣніе Мацѣвскаго о существованіи славянскаго обряда въ Польшѣ нашло впоследствии въ наукѣ немало новыхъ и прочныхъ доказательствъ ¹⁾. Въ настоящее время было бы, конечно, справедливо, снять съ трудовъ польскаго историка этотъ безцѣльный запретъ.

¹⁾ Пересмотръ ихъ см. въ ст. Фр. Кидрича, *Die slavische Liturgie in Polen*, въ *Arch. f. slav. Phil.*, XXVIII Bd., 614—623,—по поводу работъ кс. Щесняка, Пташицкаго и акад. Соболевскаго.

II.

Изъ переписки В. А. Мацѣвскаго.

I. Два письма В. Богишича къ В. А. Мацѣвскому.

Переписка скончавшагося въ прошломъ году историка славянскаго права Валтасара Богишича († 24 апрѣля н. ст. 1908 г.) съ „патріархомъ славянскихъ историковъ права“ В. А. Мацѣвскимъ началась въ годъ появленія первой самостоятельной работы Богишича ¹⁾ „Pravni običaji u Slovena“ (Književnik, III, 1866). Этимъ трудомъ онъ успѣшилъ подѣлиться съ польскимъ ученымъ, авторитетъ котораго высоко цѣнилъ, и просилъ его сообщить ему, „молодому и слѣдовательно еще неопытному“ работнику на нетронутой еще нивѣ „неписаннаго права“ мнѣніе его относительно идеи и направленія перваго опыта. Мацѣвскій немедленно откликнулся и далъ свои цѣнныя указанія. Они приняты были съ благодарностью и дали молодому ученому основаніе рассчитывать и въ будущемъ на полезное научное руководство почтеннаго историка. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ писемъ самого Мацѣвскаго, не можемъ также сказать, продолжалась ли эта переписка и въ слѣдующіе годы научной дѣятельности выдающагося изслѣдователя обычнаго права южныхъ славянъ.

¹⁾ Обстоятельный обзоръ его ученой дѣятельности составленъ проф. К. Кадльцомъ: „Valtasar Bogišić“, въ Čas. Česk. Mus., 1903. Обширный некрологъ написалъ Dr. Ivan Strohal въ Ljetopisu Jugoslav. Akademije za godinu 1908. Zagreb. 1909.

1.

Wien 30 Juni 1866.

Hochverehrter und Hochgelehrter Herr!

Weit angenehmer als Eu. Wohlgeboren die Anzeige meiner juridischen Arbeit überraschte, überraschte mich das gefällige Schreiben Eu. Wohlgeboren, welches ich heute die Ehre hatte zu empfangen, und hier sogleich beeile ich mich dasselbe zu beantworten.

Die Arbeit von welcher schon eine kleine Partie im „Književnik“ erschienen ist, und vielleicht in einem Monate noch eine erscheinen wird, war ursprünglich bestimmt bloß das Ansammeln von noch lebenden slavischen Rechtsgebräuchen vorzuschlagen und anzweifeln, ein Material welches ebenso wichtig für die Erklärung vieler Streitpunkte unserer Rechtsgeschichte, also dieselben Dienste leisten könnte, welche der deutschen Rechtsgeschichte die von Grimm herausgegebenen Weisthümer bereits geleistet haben. Um aber den Leser besser zu überzeugen dass im Volke noch heutzutage viele alte Rechtsgewohnheiten in voller Kraft leben, gab ich, insoweit mich die bisher benützten Quellen nicht im Stiche liessen, eine systematische Darstellung der noch lebenden Rechtsgebräuchen.

Dass das nur ein Specimen oder ein Versuch ist, können Eu. Wohlgeboren aus der Einleitung ersehen, sowie auch den beschränkten Umfang und die Natur der Arbeit. Eu. Wohlgeboren werden finden, dass ich ebenso ein ganz unbebautes Feld, das Feld des *jus non scriptum* angetreten habe, wie es auch dasjenige des *jus scriptum* war, bevor der Patriarch der slavischen Rechtshistoriker Macieiewski mit Seinem riesigen Werke es in einen duftenden Garten umwandelte.

Meine jetzige Arbeit wird auch separat abgedruckt, und wird im Ganzen 15—20 Druckbogen stark sein. Die drei ersten Bogen enthalten die Einleitung und im allgemeinen Umrissen die Familie derjenigen slavischen Stämme, welche die alte Familienform (Zadruga = Hauscommunion) beibehalten haben; folgen: andere 5 Bogen (welche eben sich unter der Presse befinden) enthaltend die Eingehung der Ehe und die Materialien für die Rechtssymbolik der *Sponsalia* und der *Nuptiae*. Weiter werde ich das Wenige noch vorhandene aus dem Privatrechte nachtragen, um dann auf das Gebiet des *jus publicum internum* et *externum* zu übergehen. Wenn Eu. Wohlgeboren mir Ihre

wohlgeneigte Meinung über die Idee und die Richtung der Arbeit mitzutheilen die Güte hätte — und mir, noch jungen, folglich unerfahrenen Mann, mit Ihrem werthesten Rath beistehen möchten, meine Dankbarkeit gegen Eu. Wohlgeboren wäre eine ewige.

Die drei ersten Bogen, nach Ihrem Wunsche, beeile ich mich Eu. Wohlgeboren gleich heute zu expediren — dasselbe werde ich auch mit der Fortsetzung thun, sobald dieselbe erscheinen wird.

Mit voller Hochachtung Eu. Wohlgeboren
ergebenster Diener B. Bogišić,
J. U. et Philosophiae Doctor
bei der Hofbibliothek Wien.

2.

Wien den 12 Juli 1866.

Hochverehrter und Hochgelehrter Herr Professor!

Meinen wärmsten Dank für Ihre Meinung über meine Arbeiten und für die werthesten Rathschläge welche Sie mir im Interesse der Wissenschaft gefälligst ertheilten. Ich hoffe von diesen, wie auch von den künftig mir zu gebenden einen grossen wissenschaftlichen Nutzen ziehen zu können. Um desto bereitwilliger nehme ich den Antrag an mit Eu. Wohlgeboren den Briefwechsel fortzusetzen.

Ihre zwei Abhandlungen, über den *Droit coutumier* und über die *Lex salica* möchte ich sehr gerne lesen, bitte daher inständigst Eu. Wohlgeboren mir dieselben auf meine Kosten *sous bande* zukommen zu lassen.

Ich theile im Grossen und Ganzen vollständig Ihre mir mitgetheilte Meinung über das Verhältniss des deutschen zum slawischen Rechte — leider, Ihre sich darauf beziehende Stelle in der *Historya prawodawstw* konnte ich nicht lesen denn das Bibliotheks-Exemplar der zweiten Auflage ist seit 2—3 Monaten irgendwo verstellt worden, daher nicht zu bekommen. Sobald ich das Werk in die Hand bekomme und die Stelle durchlese ich werde so frei sein Eu. Wohlgeboren darüber meine unmassgebliche Meinung mitzutheilen.

Für heute Tantum!

Mit voller Hochachtung Eu. Wohlgeboren
ergebenster Diener B. Bogišić.

(Оба письма въ библ. Чешскаго Музея въ Прагѣ).

II. Письмо В. А. Мацѣвскаго къ Л. Гаю.

Съ знаменитымъ дѣятелемъ хорватскаго „возрожденія“ Людевитомъ Гаемъ Мацѣвскій, какъ видно изъ сообщаемаго здѣсь письма, познакомился въ Карловыхъ Варахъ лѣтомъ 1834 года, во время первой поѣздки въ Чехію. Къ нему онъ обращается въ этомъ, очевидно, первомъ письмѣ съ знакомою уже намъ просьбою помочь распространенію его „Исторіи славянскихъ законодательствъ“ въ славянствѣ, въ частности—выяснить вопросъ о продажѣ первыхъ двухъ томовъ ея пештскимъ типографомъ и издателемъ Іосифомъ Миловукомъ. Черезъ шесть лѣтъ Мацѣвскій встрѣтился съ Гаемъ въ Варшавѣ, во время поѣздки хорватскаго дѣятеля въ Россію, и изъ рукъ Мацѣвскаго Гай получилъ то пособіе на проѣздъ въ Петербургъ (100 червонцевъ), которое ему было назначено по распоряженію кн. Паскевича ¹⁾.

* * *

Z Warszawy dn. 4. Lipca 1835 r.

Szanowny panie Ludwiku.

Miło mi wspomnieć te chwile, które w roku zeszłym dały mi Ciebie poznać w Karłowarach. Odtąd zawsze myślę o Tobie i proszę Cię bardzo, ażebyś często do mnie pisywał w swoim słowiańskim dyalekcie: byłoby to bowiem wstydem gdybyśmy Słowianie mieli z sobą rozmawiać w jakim języku obcym. Na ten zaś list odpisz mi przez pocztę i donieś, czy prośbie moiej zadosyć uczynić zechcesz. Prośba jest taka. Księgarz Miłowuk w Peszcie wziął odemnie pięć exemplarzy dwóch pierwszych tomów historyi prawodawstw słowiańskich: pisałem do niego, że wyszedł tom 3. 4., a on odpisał mi, ażebym exemplarzy tych tomów nie nadsyłał, gdyż nie wszystkie 5. owych exemplarzy rozsprzedał, a nawet nie wie, czy posiadacze niektórzy dwóch pierwszych tomów wezmą tomy następne. To byłoby dla mnie wielką stratą. Więc proszę Cię, panie Ludwiku, ażebyś się do-

¹⁾ См. сообщенные нами документы въ сб. Югослав. Академіи Gradja, V, 142—147.

wiedział od Miłowuka, kto to kupił dwa pierwsze tomy, ażebyś się postarał o to, ażeby owi kupujący ie kupili także dwa tomy następne, gdyż inaczey ani im nie przydadzą się na nic dwa pierwsze tomy, ani mnie dwa następne; także proszę Cię o to, ażebyś postarał się o to, żeby owe 5. exemplarzy, którem Miłowukowi nadesłał, rozkupiono w okolicach waszych. Jeżeli się znajda kupcy, napisz do P. Hanki w Pradze, a on przyśle Ci tyle exemplarzy z tomu III. IV., ile sam zechcesz. Exemplarz obudwóch tomów III. IV. kosztuje 5. reńskich w monecie konwencyney. Bądź łaskaw, szanowny Panie Ludwiku, zająć się tym sprawunkiem! Wszak było by to nie dobrze, żebym, pisząc takie dzieło dla Słowian, miał jeszcze stracić na niem.

Teraz całując Cię po tysiąc razy, panie Ludwiku, proszę, ażebyś mi obszernie opisał o stanie literatury słowiańskiej w waszych stronach. Nie uwierzysz, iak mnie to wiele cieszy, kiedy się tylko coś o Was dowiedzieć mogę. Bądź zdrow i kochay mnie.

Wacław Alexander Macieiowski,
Tribunalrath in Warschau.

Do P. Ludwika Gay
w Agramie, w Kroacyi.

(Въ библ. Загребскаго унив.)

F
7907